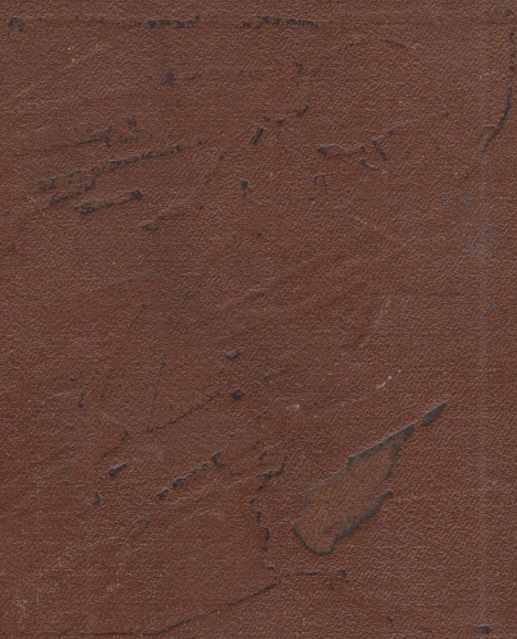
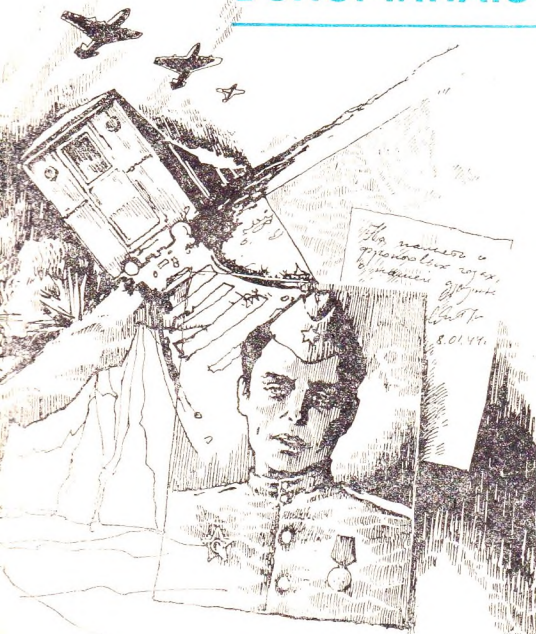

ТОЙЦЫ ПОКРАНАЮТ

ОК
97

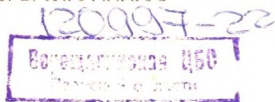
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Пермское книжное издательство. 1985

Эту книгу написали участники Великой Отечественной: летчик и снайпер, пулеметчик и пограничник, офицер штаба и медсестра... Они рассказывают об участии в боевых действиях, о товарищах, с которыми довелось вместе бить врага, размышляют о войне и мире, о судьбе будущих поколений, ради которых, не жалея жизни, шли в бой. Рассказ от первого лица позволяет увидеть героев, что называется, изнутри, крупным планом, увидеть их чисто человеческую реакцию на великие события. Книга помогает глубже понять истоки массового героизма советских людей в Великой Отечественной войне. Она адресована широкому кругу читателей.

Рецензент Ю. В. Плотников

© Пермское книжное издательство, 1985.

Б 11202—12
М152(03)—85 2—85

**ГРИГОРИЙ ФЛЕГОН-
ТОВИЧ СИВКОВ.** Ро-
дился в Кунгурском
районе Пермской обла-
сти. В годы Великой Оте-
чественной войны — лет-
чик-штурмовик, командир
эскадрильи, штурман
авиаполка. В составе
210-го штурмового Сева-
стопольского авиаполка
прошел боевой путь от
Кавказа до Вены. Дваж-
ды Герой Советского
Союза. После войны был
старшим летчиком-испы-
тателем, находился на
преподавательской и на-
учно-исследовательской
работе. Кандидат техни-
ческих наук. В настоя-
щее время возглавляет
кафедру в Военно-воз-
душной инженерной ака-
демии имени Н. Е. Жу-
ковского.

ГОТОВНОСТЬ
НОМЕР ОДИН

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Близились война.

Наша отдельная авиаэскадрилья располагалась в бессарабском селении Чадыр-Лунге, в тридцати километрах от государственной границы. Летный и технический состав эскадрильи — на редкость дружный и сплоченный. К тому же здесь были ребята из Пермской авиашколы.

Павлуша Старцев — из бывших беспризорников, отчаянный парень. Волевой, но всегда с доброй улыбкой. Работал он на «Уралмаше», откуда и пошел в летную школу. Блестящий летчик. Великолепно пел русские песни, аккомпанируя себе на гитаре. Игорь Сократов — человек положительный во всех отношениях, да и летчик прекрасный, спокойный, рассудительный сибиряк, всеми уважаемый в эскадрилье; омич Евгений Мыльников — остроумный весельчак; молчаливый украинец Иван Крамаренко, добродушный, хозяйственный хлопец; предприимчивый Ивад Усов; красавец блондин, весьма авторитетный Петр Толмачев; лучший спортсмен эскадрильи Тимофей Сагайдак; москвич Юрий Мальцев, красивый, любивший прихвастнуть. Летать он умел хорошо, но с дисциплиной жил не в ладах. Был он прирожденным рассказчиком: один жест, одно слово — и все катаются по полу от смеха. Нередко подшучивал он над ребятами.

Накануне войны, 21 июня, в субботу, ребята договорились с местными девчатами поехать в лес на пикник.

Воскресенье, 22 июня 1941 года. 7 часов утра. Проснулись. Лежим, балагурим. Слышим стук в окошко.

...Евгений Мыльников не спеша оделся и, пританцовывая, вышел на улицу.

Он скоро возвратился назад и тихо, спокойно сказал:

— Тревога.

Вскакиваем, быстро одеваемся и бежим в штаб. Там никого. Вскоре появился командир эскадрильи.

— Кто объявил тревогу?!

— Дежурный по части...

Мимо нас строем прошли саперы. От них узнаем о нарушении нашей государственной границы.

Позже, уже в 12 дня, из речи В. М. Молотова нам стало известно, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

— Война!!!

А день на редкость солнечный, безветренный. Кипенно белые домики. Бледная зелень молодых виноградников. Упирающиеся в небо пирамидальные тополя. И жуткая, словно отстоявшаяся тишина, немая, как в картине «Над вечным покоем» художника Левитана. Ее режет возникший вдалеке глухой гул самолетов. Гул усиливается, и мы уже видим группу приближающихся двухмоторных машин. Вот они над нами, летят совсем низко, метрах в семистах от земли. И вдруг среди завывающего гула моторов раздается чей-то крик:

— Кресты на крыльях! Смотрите, кресты!

Отчетливо видим черные кресты с желтой окантовкой. Острой болью доходит до сознания: «Это чужие самолеты! Это враг!»

Какая-то чудовищная нелогичность: в нашем небе и вдруг эти черные кресты?! Зачем они к нам пришли?! Что им здесь нужно?! И, словно в ответ, слышится отдаленный раскати-стый гром взрывов. Фашисты сбрасывают бомбы на станцию.

— Бомбят, гады!

— Эх, дать бы сейчас им прикурить!

А лететь не на чем. Эскадрилья ожидала новые боевые машины. На аэродроме всего лишь три учебных самолета...

Смешанное чувство ненависти и горечи.

В ту пору мне было 20 лет. И я как-то в тот день не сразу понял, что такое война, хотя и готовился к ней, чувствовал, что предстоят большие боевые события. Но никак не думал, что все случится вот так, как случилось.

Когда же увидел немецкие самолеты, идущие на бомбежку, во мне разгорелось чувство жгучей ненависти к врагу и было одно желание: как можно скорее вступить в бой.

До 11 июля эскадрилья находилась в Чадыр-Лунге. Каждый день спрашиваем своего командира: когда же будут самолеты?

— Дайте нам любое оружие. Больше невозможно ждать. В воздухе не на чем, так на земле воевать будем!

Наконец выехали в учебно-тренировочный центр, переучиваться на новые самолеты Су-2. Это ближний бомбардировщик, неплохой по тому времени самолет. Он был вооружен шестью пулеметами ШКАС, имел скорость 400 километров в час и бомбовую нагрузку 600 килограммов. Маневренный, легкий в управлении самолет. Вот на нем-то несколько позже и началась наша фронтовая летная жизнь.

А пока были учебные полеты. Мы осваивали новые самолеты и... отступали. Перелетали с одного аэродрома на другой, все дальше и дальше на восток. Остановились на станции Котельниково, между Сталинградом и Сальском. Оттуда после тренировочных полетов в декабре 1941 года несколько наших экипажей, в том числе Старцев, Мельников и я, получили назначение в 210-й бомбардировочный авиационный полк...

Полк был сформирован незадолго до начала войны из пилотов гражданской авиации. В основном это была молодежь. Ребята воевали с июля 1941 года, и весьма успешно. Они сделали уже много боевых вылетов на Су-2.

Летный состав полка имел хорошую подготовку. Потери были сравнительно небольшие. Среди летчиков — много награжденных орденами, что тогда, в начале войны, было еще большой редкостью.

Командовал полком майор Володин. А когда его назначили командиром дивизии, обязанности командира полка временно исполнял начальник штаба майор Ильенко. Волевой, спокойный, умный воспитатель молодых летчиков. Правда, считывал он нерадивых хлестко.

За глаза летчики звали майора Ильенко (как и во многих авиасоединениях в то время звали своих любимых командиров) — «Батя». Был он суровым и справедливым человеком, и за это все любили его в полку. Даже когда он стал начальником штаба в соседней дивизии, мы к нему продолжали ездить в гости.

Эскадрильей нашей командовал капитан Сурай. Высокий, неторопливый в решениях, волевой командир. Все он делал обдуманно, без ошибок. Уважаемый, авторитетный человек в полку.

Мы, новички, «молились» на своих командиров, как на богов. Они были великолепными летчиками, отважными и очень дружными между собой людьми.

Воевали в нашем полку два воздушных аса, два Ивана, разные по характеру, закадычные друзья: москвич Иван Ерошкин и украинец Иван Раубе.

Иван Раубе — высокий, спокойный, чуточку, пожалуй, флегматичный, блондин, пел чудесным тенором украинские песни. Боевые задания он выполнял образцово и был лучшим летчиком в полку.

Иван Ерошкин — плотный, среднего роста, веселый и живой по характеру и тоже хороший летчик.

С ними летали штурманы Тима Гуржий и Саша Иванов — непревзойденные снайперы бомбометания...

Все летчики полка имели хорошую довоенную подготовку, летали вслепую, по приборам. Мы, новички, еще этого тогда не умели.

Наконец наступил долгожданный день — 28 декабря 1941 года — день моего первого боевого вылета.

Настроение у меня, как и у всех ребят, было радостное. Совсем недавно начался разгром фашистских захватчиков под Москвой. Враг бежал, бросая технику, оставляя наши города и села.

Мы сидим в землянке вблизи от стоянки самолетов. Жарко палит печка-буржуйка. На нарах аккуратно постлана солома. Маленький стол, на котором подмигивает походная лампа, сделанная техниками из гильзы снаряда.

Немногословный и сосредоточенный, капитан Сурай смотрит на карту, развернутую на столе.

— Идете девяткой. Ведущий экипаж Раубе — Гуржий. Ведомые: справа — Дорогавцев, слева — Ерошкин.

Напряженно слушаю капитана, ем, как говорится, его глазами, а в голове одна мысль: «Пошлет или нет...»

— Правый ведомый в третьем звене — экипаж Сивкова — Землякова, — слышу свою фамилию...

— Задача — бомбить танки противника, на окраине населенного пункта Медведково, вот здесь, — капитан показывает по карте. — Две зенитные батареи противника расположены в пяти километрах севернее цели. Вас прикрывают четыре истребителя И-16 из полка Тараненко. Все! Задача ясна?

Командир группы Иван Раубе отвечает за всех:

— Ясна!

— Выполняйте!..

— По самолетам! — командует Раубе и вместе со штурманом Гуржием выходит из землянки. Следом за ними — и все мы, экипажи боевого расчета.

Сумрачное утро встречает зябкой тревожной прохладой. Молча расходимся по своим машинам. У моего самолета техник-лейтенант Королев докладывает:

— Товарищ младший лейтенант, самолет к боевому вылету готов!

— Хорошо, спасибо, Миша!

Он улыбается в ответ.

Волнуюсь, конечно. Надеваю парашют. Сажусь в кабину. Привычный осмотр приборов и агрегатов, проверка исправности действия рулей. Застегиваю замок привязных ремней.

Штурман Петя Земляков проверяет тем временем подвеску бомб. Залезает в свою кабину. Проверяет пулемет. Готовит карты.

Все в порядке. Ждем сигнала. Стремительно взлетает зеленая ракета. Запускаем мотор. Выруливаем на старт. Ком-эск Сурай уже на старте. Взмахом белого флажка он выпускает каждого из нас в воздух.

...Вижу самолет ведущего Раубе и все самолеты группы. Петя тоже делает обзор своей зоны. Прислушиваюсь к двигателю. Работает нормально. Срезая круг, пристраиваюсь к ведущему. Постепенно все самолеты занимают свои места.

Деловито и мерно гудит мотор. В памяти четко встают слова командира группы, которые нам Иван Раубе часто повторял на учебных полетах: «Хочешь жить, держись в строю!»

Стараюсь точно сохранять место в строю. Зорко слежу за самолетом ведущего. Раубе слегка покачивает самолет с крыла на крыло: «Внимание!»

— Подходим к линии фронта! — говорит Петя.

У ведущего открылись люки. Даю команду штурману:

— Открыть люки!

Слышу в ответ:

— Люки открыты!

С самолета ведущего посыпались бомбы. Нажимаю на боевую кнопку. Бомбы летят на танки противника. Все время не отрываю глаз от ведущего. Весь строй, как единое целое, управляемое ведущим, делает левый разворот со снижением, на курс 90 градусов.

Справа сзади видим черные клубки дыма — разрывы зенитных снарядов противника. Чужих истребителей не видно.

Через полчаса — мы дома. Над аэродромом ведущий дает

сигнал внимания, делает резкий отворот в сторону. Самолеты эскадрильи расходятся и по очереди заходят на посадку.

Произвел посадку, зарулил на стоянку. Здесь уже встречает моторист Иван Михайлов, поздравляет с боевым крещением и спрашивает:

— Как мотор?

— Нормально! Спасибо, Ваня!

К самолету подходит комиссар эскадрильи капитан Лещинер.

— Пройдем на правую сторону самолета, — говорит он.

Мы с Петей Земляковым, ничего не понимая, растерянно идем за капитаном. Обошли самолет вокруг хвоста, остановились.

— Поздравляю с первым боевым вылетом! — протягивает руку комиссар.

Отвечаю:

— Спасибо, товарищ капитан. — Потом спохватываюсь и чеканю во весь голос, прикладывая руку к шлемофону:

— Служу Советскому Союзу!

Рядом на треноге щелкает фотоаппарат. Комиссар Лещинер широко улыбается.

— Получите на память фотографии, ребята...

Вот и состоялся первый боевой вылет. Ощущение от него — это сложная смесь чувства долга, страха и жажды схватки с врагом. Главным в полете было не потерять самообладания. Оказалось, что я был готов к этому.

Семья, школа, комсомол, аэроклуб и великолепные командиры-наставники подготовили меня к первому боевому полету.

Ненависть к врагу, пришедшему на родную землю, — имела и в подготовке к полету и в самом полете огромное значение. Это не книжная фраза. В условиях войны ненависть к врагу имеет свой, совершенно определенный, реально ощутимый смысл. Она цементирует волю, глушит страх, учит мгновенно принимать решение и четко действовать. Ненависть к врагу мобилизует все силы бойца в единый порыв — победить во что бы то ни стало!..

«ПРОСЛАВИЛСЯ» НА ВСЮ ДИВИЗИЮ

«Лиха беда начало» гласит старинная русская пословица. После первого последующие боевые вылеты проходили значительно легче, почти без напряжения, становились привычными. Нас уже не считали новичками. Летали мы почти каждый день с рассвета дотемна.

...Перед вылетом капитан Сурай предупреждал:

— «Мессеров» много. Обычно они делятся на две группы: одна — связывает боем наших истребителей прикрытия, другая — атакует нас. Так что необходимо быть готовым в любой момент к отражению атаки.

Мы, уже немного обстрелянные новички, ловим на лету каждое слово капитана, а он продолжает:

— Главное — вовремя увидеть противника, не допустить внезапной атаки. А там уже легче: держи плотный строй и защищай огнем товарища. Здесь нужны самообладание, воля и мастерство.

Вскоре мне пришлось убедиться в правоте слов командира эскадрильи.

Хмурым январским днем 1942 года я узнал, что такое немецкие истребители.

...Колко выюжит мелкая поземка. Очередной вылет. Влетаем и ложимся на курс. В воздухе густая дымка. Нашу группу из шести самолетов прикрывает четверка истребителей-«ишачков», — как мы между собой называли самолеты-истребители И-16, которые воевали еще в Испании. Отличные, маневренные, но уже устаревшие самолеты. Они более чем на сто километров в час уступают в скорости «мессершмиттам».

Подходим к линии фронта. Минут через пять — боевой курс. Слева впереди уже видна цель — эшелоны на железнодорожной станции Харцызск.

— Слева сверху истребители противника! — докладывает штурман Петя Земляков. — Восемь штук, — уточняет он.

«Вот тебе и настоящая война начинается», — думаю про себя.

— Открываю люки, пока есть время, — говорит Петя. — Смотри, уже заходят по четыре справа и слева!

— В клещи берут, стервятники!..

Нервы напряжены до предела. Все внимание — строю. Мы на боевом курсе. Ведущий штурман Саша Иванов уже прицеливается. Но в это время слышится дробный треск пулеметной очереди. Петя вместе с другими штурманами отбивается от атак «худых».

С самолета ведущего посыпались бомбы. Нажимаю боевую кнопку на ручке управления. Все! Дело сделано! Теперь дай, как говорится, бог ноги. А наш ведущий группы — капитан Васильев, командир первой эскадрильи — уже ведет нас со снижением и с разворотом на курс 90 градусов — домой.

...Вот уже и наша земля. Фашисты отстали. Они не рискуют летать над нашей территорией. Мы уходим домой.

...Зимой 1941 года потерь в нашем полку было мало. Обстановка на нашем участке фронта была не очень напряженной. Немецкие истребители вели себя довольно осторожно.

Самолеты, на которых мы летали, служили с самого начала войны и изрядно подносились. Часто выходили из строя моторы. Техникам приходилось много возиться, чтобы держать машины в порядке.

Как-то морозным утром, получив боевое задание, подхожу к самолету. Техник-лейтенант Королев докладывает:

— Товарищ младший лейтенант, самолет к полету не готов!

— В чем дело?

— Мотор не дает полных оборотов.

Подошел техник звена Новоселов. Вместе с Королевым и Михайловым он ищет причину неполадок в двигателе.

Тем временем наша группа взлетела. Мы остались на стоянке. Уже и старший техник эскадрильи Бабенко подключился к работе. Наконец, минут через тридцать после взлета группы, Королев докладывает:

— Мотор в порядке!

Что делать?! О том, чтобы догнать группу, не может быть и речи. Срыв моего вылета был настолько очевиден, что с командного пункта даже не передали об его отмене.

А в голове одна мысль: «Надо обязательно лететь и бомбить врага». К тому времени я уже сделал около пятнадцати боевых вылетов, мог ориентироваться по маршруту, видел цель, результаты бомбежек и кое-что смыслил в тактике бомбардировщиков. Правда, ни разу еще не бомбил цель самостоятельно. А испытать свои силы очень хотелось и мне и Пете Землякову. Тут нас осенила идея: а что если слетаем без ведущего и самостоятельно сбросим бомбы по цели? Истребителей противника сейчас нет, да и к тому же, рассуждая формально, никто не отменял нам вылета.

— Петр, цель найдем?

— Конечно!

— Отбомбиться точно сможем?

— Думаю, сможем.

— Тогда летим!

Выруливаем на старт. Стартер, не имея других указаний, взмахивает флажком.

Взлетаем. В это время комэск Сурай выскакивает из землянки и, увидев взлет самолета с красной цифрой «3» на хвосте, дает вдогонку красную ракету. Мы с Петей сделали вид, что «не заметили» запрещающего сигнала. Легли на курс к цели. Вскоре встретили своих. Они уже возвращались с боевого задания. Расстояние между нами было достаточно большим, чтобы на наш самолет не обратили внимания.

Подходим к цели — автомашинам противника вблизи деревни Выскровка. Цель обнаружили. Петя командует:

— Боевой курс!

Изо всех сил стараюсь держать заданную высоту. Но проклятое волнение не дает мне точно выдержать режим полета.

— Что ж ты! — кричит вне себя Петя. — Курса держать не можешь! — Он сопровождает свою речь крепким словом. — А скорость, а высота? Куда же полетят наши бомбы?

Идем на второй заход, не сбросив бомбы. Понемногу успокаиваюсь и стараюсь выдержать все условия боевого курса. Ни зениток, ни «мессеров» пока нет, но ведь эта тишина может быть коварной...

Наконец, с грехом пополам, бомбы сброшены. Не слишком точно, но все же терпимо для первого раза. Чтобы «компенсировать» наши неточности, заходим на штурмовку — обстреливаем с малой высоты из пулеметов автомашины.

Вернулись домой. Докладываю командиру эскадрильи о боевом вылете. Капитан Сурай буравит меня глазами.

— Кто разрешил вылет?

— А его никто не отменял, товарищ капитан...

— Не прикидывайтесь дурачком, Сивков! Даже ежу понятно, что лететь одному по меньшей мере глупо. Достаточно одного, самого захудалого «мессера»...

Я молчу. Штурман эскадрильи грозно спрашивает Петю:

— Где бомбили?

Штурман Петя Земляков, волнуясь больше, чем над целью, показывает точку на карте крупного масштаба.

«Не дай бог, по своим, как было однажды», — невольно думают наши товарищи, присутствовавшие при этом разговоре.

Но, кажется, мы выдержали экзамен своих грозных начальников и, главное, товарищей по эскадрилье...

— Ну, ладно, — цедит сквозь зубы комэск. — Всем быть готовым к следующему боевому вылету. А с вами, — он кивает нам с Петей, — мы еще разберемся. — И уходит в землянку.

Я отделался «легким испугом», а капитану Сураю чуть было выговор не влили.

Так я «прославился» на всю дивизию. Но холодное отношение товарищей и особенно мною уважаемого командира эскадрильи было для меня серьезным уроком. В бою нельзя допускать подобных вольностей. Да и кому нужен такой безрассудный риск? Только врагу!

Однажды вечером прибегает посыльный.

— Младшего лейтенанта Сивкова к комиссару эскадрильи!

— Будет, значит, нахлобучка! — замечает Павел Старцев.

Надеваю шинель, шапку и ухожу. Порывистый ветер хлещет в лицо, насквозь пронзает колючим холодом, а мне жарко. Вхожу в командирскую хату.

— Товарищ капитан, по вашему... — докладываю по уставному правилу.

— Отставить! — прерывает меня комиссар Лещинер. — Садись, Гриша.

Сажусь на табурет. Щеки пылают.

— Да ты раздешься. А то упреешь...

Снимаю шинель и шапку, вешаю на гвоздь.

Комиссар набивает табаком трубку.

Стою. Осматриваю комнату. Аккуратно застланная кровать. Стол, на котором лежит стопка газет. Маленькая кожаная рамочка с фотографиями.

— Письма давно получал?

— Позавчера от отца.

— Что пишут? Как живут? Помощь какая нужна?

— Все нормально, спасибо.

— А я о своих месяц ничего не знаю.

Он пристально смотрит на рамочку с фотокарточками.

— Жинка моя и трое ребят. Трудно ей с нами достается...

Комиссар дымит трубкой, разговаривает доверительно. По-немногу успокаиваюсь, и мысль о нахлобучке оставляет меня. Осмеливаюсь и спрашиваю комиссара:

— Какие последние сводки?

Он обстоятельно рассказывает о сводках Совинформбюро, называет по памяти оккупированные врагом города, объективно и оптимистически комментирует фронтовые события.

...Внимательно слушаю комиссара. Он смотрит на наручные часы.

— Ого, засиделись мы с тобой, Гриша.

Торопливо одеваюсь.

— На-ка свежие газеты, передай ребятам. И вот тебе еще партийный устав. Ты ведь готовишься в партию?

— Готовлюсь.

— Так вот, в уставе, между прочим, и о партийной дисциплине сказано... И вот это еще возьми, — протягивает он мне брошюру. — Прочти, здесь есть замечательные ленинские слова: «Может ли сотня победить тысячу? Да, может, если сотня дисциплинирована, организована»...

ПЕРВЫЙ ТУР

Только приземлились и зарулили к отведенным местам на стоянке самолетов, тотчас услышали команду:

— Летный состав на КП полка!

Командир полка докладывает командиру дивизии полковнику Гетьману:

— 210-й штурмовой авиаполк прибыл в полном составе. Летчики собраны для получения боевой задачи.

Волевой, энергичный человек в кожанке, приземистый и плотный, обращается к нам, отчеканивая каждое слово:

— На нашем участке фронта противник сосредоточивает огромные силы, готовится к наступлению. Все дороги, ведущие к фронту, забиты его автомашинами, артиллерией, танками и пехотой. — Полковник обводит острым взглядом строй летчиков и с металлическими, звенящими нотками в голосе продолжает: — Ваша задача: бомбить и штурмовать войска и технику противника на дороге Лесовенька — Протопоповка. Для передачи боевого опыта сегодня будут ведущими групп представители седьмого гвардейского полка.

Командир дивизии передает слово ведущим групп.

— Идем колонной звеньев, на бреющем полете, — уточняет ведущий нашей группы. — Заходим на цель с запада с выходом на свою территорию без разворота. Это на случай повреждений. Огонь зениток будет сильный. Над территорией противника закрыть маслорадиатор, — напоминает он.

Мы понимаем: бронезаслонка предохраняет маслорадиатор самолета от вражеских пуль.

— Запуск и выруливание немедленно! По самолетам!

Быстро идем к своим штурмовикам.

...Первая группа взлетает звеньями и, не делая круга над аэродромом, уходит на запад.

Проходят томительные минуты. Наконец, Иван Раубе круговыми движениями руки сигналист:

— Запуск!

Взлетаем. Впереди звено гвардейцев. За ними два звена нашей эскадрильи. Легли на курс.

Первый боевой вылет без штурмана. Надо внимательно вести ориентировку. Правда, линия фронта хорошо заметна — идет по реке Донец, но все же...

Вот и зеленый массив леса. Скоро Донец. Команда ведущего:

— Подходим к линии фронта. Приготовиться к атаке!

Откидываю колпачки боевых кнопок. Даю полный газ. Вслед за ведущим прижимаемся к земле. Разворот влево. Еще разворот, и перед нами дорога, сплошь забитая вражескими войсками и техникой.

— Начали!

Самолеты один за другим подсакивают кверху метров на пятьдесят — семьдесят и со снижением переходят в атаку.

Прицеливаюсь и жму на обе гашетки. Снаряды ложатся рядом с машинами. Повторить! Так, уже лучше. Нажимаю кнопку, но РС (ракетный снаряд) не летит. В чем дело?

— Тьфу, черт. Вместо снаряда бомбы сбросил...

Все равно считается! Взорвутся через двадцать три секунды. Прицеливаюсь и снова жму на вторую кнопку. Шваркнули РСы. Здорово! Фашистский фургон разлетается вдребезги.

Маневры — один за другим, только успевай поворачивать тяжеловесную машину. Жарко, но не до этого сейчас. Слева и справа что-то сверкнуло... Не понял. Проскочил. Может быть, это те самые «эрликоны» — малокалиберные зенитки, о которых рассказывали гвардейцы? Огонь их страшен для самолетов, идущих на малой высоте.

— Ага, вот и «мессеры» пожаловали. Атакуют первое звено.

Иван Раубе тут же по ним дает очередь из пушек. «Мессерам» не понравилось. Они отвалили — и вверх. Заходят сзади, бьют по третьему звену. Что там сзади? Не вижу. Доворот влево. «Кто-то горит. Это Мыльников».

— Женька, прыгай!

Впрочем, все равно бесполезно: высота мала... Впереди Донец, а за ним и лес — наша территория. Евгений Мыльников не успел дотянуть...

Мы уже над лесом. «Мессеры» ушли. Гляжу на манометр, показывающий давление масла. Стрелка на нуле. Очевидно, пробита маслосистема. Надо немедленно садиться, пока не заклинило мотор.

«От немцев ушел, думаю, а тут из-за какого-то пустяка гробанешься».

...Впереди справа рядом с пашней зеленеет луг. «Доворот. Шасси! Убрать газ! Так. Спокойно. Вот и земля!»

...Вылез из кабины, осмотрел самолет. Маслопровод пробит. Видимо, в спешке я забыл закрыть бронезаслонку радиатора, когда пролетал над вражеской территорией, и в него попала пуля.

Замотал изоляцией маслопровод. Провозился, правда, долго. Можно бы и лететь. Бензин еще остался, а вот масло все вытекло.

Стою, соображаю, как быть. Откуда-то появились двое парней.

— Где тут поблизости наши есть?

— А вот там, — указывают они на выглядывающую из-за леса деревню.

Оставляю их сторожить самолет. Иду в деревню. Там, оказывается, батальон аэродромного обслуживания.

— Сала нема, масла сливочного нема, а смазочное получайте!.. — сказал инженер-капитан, белый как лунь, пожилой человек. — Целую канистру.

— Куда мне столько?

— Берите, берите. Запас карман не трет...

Взял я канистру и направился к самолету.

— Погоди, провожу.

Пошел за мной инженер-капитан. Залили масло в бачок. Можно взлетать. Но уже опускались сумерки. Пришлось переночевать в «хозяйстве» седого капитана. А утром чуть свет — к самолету.

Наши истребители почти над нами ведут с «мессерами» бой.

Стоим с инженер-капитаном, наблюдаем. Наш «ишачок» загорелся. Из него выпрыгнул летчик. Немцы его не заметили. А в это время продолжался бой. Раздавались очереди самолетных пушек.

Купол парашюта снесло в нашу сторону ветром. Летчик приземлился, быстро собрал парашют и к нам подбежал. Парень лет девятнадцати, во всем новом обмундировании, видно, только из летной школы.

— Старший сержант! — представился он и назвал свою фамилию, я точно не разобрал, какую.

Инженер-капитан пригласил его к себе в часть. На что парень сказал:

— Мне бы поскорее в полк.

— Как вам угодно. Автомашина будет лишь к вечеру.

Летчик умоляюще глядел на меня.

— Полезай в фюзеляж! До своего аэродрома подвезу. А там сам доберешься.

Он быстро скрылся в люке. А я, попрощавшись с гостеприимным инженер-капитаном, сел в кабину.

Запуск. Взлет. Летим домой. Прошли половину пути. Вдруг мотор стал давать перебои. Впереди по курсу вижу площадку посреди поля. Повезло! Убираю газ и сажусь прямо перед собой, без доворотов.

Вылез из кабины, помог выбраться своему «пассажиру». Тот с нескрываемым волнением спрашивает:

— Нас подбили?

— Нет, мотор что-то забарахлил.

Пока мы со старшим сержантом соображаем, что делать, самолет обступают подбежавшие колхозники.

...По дороге пылит грузовик, сворачивает на поле и подъезжает к нам. В кузове автоматчики. Из кабины выпрыгивает кто-то вроде знакомый.

— Иде ж фрицы? Вже ж пиймалы?

Узнаю своего бывшего командира эскадрильи Ищенко. Он уже майор. Поднимаюсь, докладываю, как положено. Он тоже узнает меня, хватает в охапку.

— Такой крепкий, чертяка, став, — улыбается он. — Пои-халы до мене в полк. Подкренимся трохи. Мы тут рядом, на По-2.

— Спасибо, товарищ майор! Не могу: почти двое суток отсутствую. В полку, наверно, волнуются.

Майор Ищенко соглашается со мной.

— Дило прежде всего.

— Да вот мотор завести нечем. Сжатого воздуха в баллоне нет...

— Стартер пришлю! Бувай здоров! Мабудь, ишо повидаемось...

Подъехал обещанный майором автостартер. Присоединяем хобот стартера к храповику винта. Пытаемся завести мотор. Не получается. Соображаем, в чем причина. Словно из-под земли появляется дед лет семидесяти, с окладистой бородой и совершенно лысой головой.

— Поймали немцев? — деловито спрашивает он.

— Не немцы это, а свои!

— Иван! — кричит дед. — Выходи, это свои!

Из кустарника показывается парнишка лет тринадцати-четырнадцати с вилами в руках.

— Зазря тревогу подняли, — говорит водитель автостартера. — Свой самолет за вражеский приняли.

Догадываюсь, что произошло. Летели мы на рассвете, мотор работал с перебоями. Звук его был похож на звук немецкого самолета. Вот нас и приняли за немцев. Все село всполошилось. На ноги подняли даже квартировавших в селе летчиков.

Случай этот с поимкой «немцев» был смешной, а в ту пору сплошь и рядом бывало, что жители деревень ловили и настоящих немецких летчиков и диверсантов.

Призыв «Смерть немецким оккупантам!» стал руководством к действию для многих миллионов советских людей, бдительность которых была чрезвычайно высокой.

В этом первом боевом вылете 26 мая 1942 года на Ил-2 меня впервые подбили, приняли даже за немца и заживо в полку похоронили. Когда прилетел на свой аэродром, доложил командиру, что и как со мной случилось. Выхожу из землянки, а Зина Новоселова с удивлением смотрит на меня.

— Гриша, живой, невредимый?!

И вдруг в слезы.

— А Жени нет... майор вчера сказал, что и ты погиб...

— Да вот жив пока...

Рассказал ребятам, как погиб Женя Мыльников. От них узнал, что в тот же день не вернулся с боевого задания и Сергей Корниненко. Его самолет был сбит вражескими «эрликонами».

А оставшиеся в живых клялись отомстить за погибших товарищей, точно сбрасывали бомбы на вражескую технику, поливали свинцом пехоту противника, наводили страх и ужас на хваленые гитлеровские дивизии, а в минуты коротких передышек горько переживали, вспоминая навечно выбывших из строя однополчан.

Полк продолжал применять гвардейскую тактику бреющего полета. Особый эффект эта тактика давала при штурмовке вражеских аэродромов.

Наряду с другими родами войск, противник сосредоточивал в Донбассе на аэродромах большое количество авиации, особенно самолетов-бомбардировщиков. Вражеских зенитных батарей на аэродромах было значительно больше, чем на шоссе и проселочных дорогах. В любой момент могли взлететь «мессершмитты». Но надо было во что бы то ни стало громить в первую очередь эти осные гнезда.

— Мы знаем, что посылаем вас в пекло, — металлическим

голосом говорит командир дивизии Гетьман. — И вы должны это пекло погасить!

Мы вполне осознаем, почему наш комдив идет на смертельный риск: это неотложная необходимость.

Прилетевшие экипажи самолетов-разведчиков докладывают:

— На Артемовском аэродроме скопление вражеских самолетов.

В томительном ожидании боевой задачи. Наш новый командир эскадрильи Вениамин Васильев на командном пункте полка. Капитан Васильев помоложе, но тоже с богатым боевым опытом. Он кажется нам помягче капитана Сурая. Возвращается комэск с КП озабоченный.

— Задача не из простых, — говорит он. — Если не достигнем внезапности, перебьют нас, как куропаток. От аэродрома до линии фронта полсотни километров. Идем завтра рано утром, пока не проснулись фрицы.

Наутро, чуть забрезжил рассвет, выруливаем на старт. Мокрая, белесая от росы трава. Четко видны темные полосы от колес самолетов. Земля хорошо просматривается до горизонта.

Можно взлетать. В отличие от предыдущих вылетов ведущий не включает радиопередатчика. Это тоже делает он для достижения внезапности атаки.

Солнце еще не выплыло из-за горизонта, а мы уже горкой выскакиваем с юга на вражеский аэродром. Разомкнутым на большие интервалы строим, словно кавалерийская лава с клинками наголо, врываемся в логово врага. Как звенящая сталь сабель, брызжут, кромсая направо и налево, трассы пушечных очередей. С шипящим свистом вырываются из-под крыльев штурмовиков огненные смерчи ракет.

Нашим крайним звеньям в этот раз особо повезло. Они проходят вдоль рядов вражеских самолетов и успевают зажать каждый по одному, а то и по два «юнкерса». Я оказался в центре строя. И мне невольно пришлось пролетать не вдоль, а поперек линии стоянки вражеских самолетов. Про-

скачил, не успев прицелиться. Стрельнул только в самый последний момент и, кажется, неудачно. Вижу, как посередине аэродрома вырывается «Хейнкель-111». «Ага, дубина, попался... Помню тебя еще с Чадыр-Лунга...» Сбрасываю на него бомбы, взорвутся они позже... «Попал или мимо?» — вихрем проносится в сознании, и мгновенно приходит решение идти на второй заход.

Глубокий разворот влево. Сделать надо полный вираж на 360 градусов. Невольно хочется пришпорить, как коня, самолет. Но неумолимые законы механики заставляют стоически выдерживать двадцать три секунды виража, показавшиеся мне под дулами фашистских зенитных орудий целой вечностью.

Блеснула первая трасса «эрликонов». Треск в крыле. А я уже прицеливаюсь по самолету продольной стоянки. До него еще довольно далеко, но я уже быю... Внизу много самолетов, они все в зоне прицела. В какой-нибудь обязательно попадут мои снаряды. Но надо все же поточнее. Так, хорошо! Вижу разрывы в стыке крыла и фюзеляжа немецкого самолета. Но не горит, стерва. Жму на гашетки и не отпускаю, пока не проскакиваю цель. В последний момент успеваю заметить пламя. «Ага, все-таки загорелся! Хорошо!»

Пора домой. Отворачиваю вправо, курс 90 градусов, пониже... Смотрю на горизонт: где же наши? Одному всегда плохо. Велика опасность встречи с «мессершмиттами»...

На горизонте заметил какие-то точки. Очевидно, это наши самолеты. Форсаж — и мчусь вдогонку. Увлёкся и проскочил главный ориентир — реку Донец, принял ее за реку Луганку.

Самолетов своих не догнал и время не отметил. Понял, что заблудился. «Курс на север, — говорю себе, — выйду на Донец и по реке найду свой аэродром».

Делаю разворот влево.

Проходят три, пять, семь минут, а реки все нет. Показались меловые горы. Все ясно: Донец остался позади. Беру курс 180 градусов. Глубокий овраг тянется на юг, и вдаль блеснула полоска реки.

Смотрю на карту. До аэродрома, кажется, лететь минут семь. Но, похоже, не хватит горючего. Под самолетом — овраг. На всякий случай отворачиваю левее и лечу над полем.

И вдруг разом все стихло... Кончилось горючее. Винт, слегка шипя, медленно вращается, как крылья мельницы. Мотор уже не работает. Высота 400 метров.

Легкий озноб. Машинально выпускаю шасси и сажусь на колеса в поле. И снова чудом мне повезло: произошло это в двух километрах от аэродрома соседнего полка.

«Вынужденная посадка вследствие потери ориентировки» — так официально звучит это малоприятное происшествие.

В мой полк, конечно, тут же сообщили о случившемся. А самолет отбуксировали на аэродром и заправили горючим.

Спрашиваю у командира приютившего меня полка:

— Разрешите лететь?

— Долеетишь?

— Смогу...

— Смотри, если и сейчас потеряешь ориентировку, то не миновать гауптвахты...

На свой страх и риск он выпустил меня. Я благополучно прилетел на свой аэродром. Приземлился, заруливаю на стоянку. Техник самолета Королев, мотористы и оружейники бегут навстречу, улыбаются, рады, конечно: вернулся целым и невредимым. Правда, в крыле самолета зияла большая пробоина. Все-таки там, за линией фронта, стреляют...

Доложил, как было, капитану Васильеву.

— Почему оторвался от группы?

— Все стреляли по боковым стоянкам. А мне не повезло: пролетал над серединой аэродрома и не успел ничего сделать с одного захода.

— Ну и что?

— Пошел на второй заход. Думал, догоню...

— Раз разрешаю заходить на атаку один раз, значит, только один! Запомните это на будущее!

Капитан Васильев кладет мне на плечо руку и по-дружески:

— Так, Гриша, убить могут... Ты, видно, в сорочке родился, что по счастливой случайности уцелел.

Это была третья по счету моя вынужденная посадка.

Утром следующего дня мы вторично ударили по вражескому аэродрому Артемовск. Опять на рассвете и опять зашли с юга. Отбомбились и отштурмовались удачно. А в третий раз капитан Васильев говорит:

— Фрицы нас ожидают с юга, а мы зайдем с севера. Остальное: все как и в прежние два вылета.

Решение комэска правильное. Тактика боя не терпит шаблона. Только мы не учли одного: высокие заводские трубы в северной части города. Пришлось подняться выше труб. Нас, конечно, сразу обнаружили вражеские зенитчики.

Мы еще не вышли на цель, как уже появились трассы «эрликонов». Огонь был сосредоточен по самолету ведущего.

Комэск быстрым маневром уходит из-под огня зенитки. Он у самой цели. И вдруг попадает в перекрестие нескольких пушечных трасс. Его самолет загорается от прямого попадания снарядов. Пламя сбить невозможно: мала высота. Выпрыгнуть с парашютом тоже нельзя, да еще на чужой территории, — это плен. И капитан Васильев направляет объятый пламенем штурмовик в гущу самолетов противника.

Я вижу слева внизу столб огня. Горящие обломки самолетов огненными клочьями катятся вдоль стоянки. Я был так поражен геройской гибелью своего командира, что упустил момент сбрасывания бомб.

Ошеломленные товарищи тоже замешкались на мгновение. Они тоже видели, как, не колеблясь, отдал свою жизнь за Родину ее отважный сын Вениамин Федорович Васильев, повторивший подвиг капитана Гастелло.

Очнувшись от внезапного оцепенения и поняв смысл происшедшего, ребята пришли в страшную ярость. Всю мощь своих пушек они обрушили на зенитную батарею, не обращая внимания на смертоносные трассы «эрликонов».

Огонь вражеских зениток заметно ослабел. Со второго захода мы сбросили бомбы и со снижением до нескольких

метров от земли ушли домой, унося с собой очередную горькую весть о гибели своего командира эскадрильи.

Было это 11 июня 1942 года.

После перебазирования на аэродром Трехизбенка у нас уже оставалось совсем мало самолетов. Полк нес большие потери.

— Надо менять тактику!

— Попробуем летать на большой высоте, — предложил Федя Картовенко, по характеру спокойный и твердый, как скала, прирожденный летчик-бомбардировщик. — Ведущий, имел оптический прицел, сбросит бомбы. А по его команде и мы — ну, как раньше, на Су-2.

Командование полка отнеслось к этому одобрительно. На очередное боевое задание пошли мы шестеркой на высоте 1200 метров. Лидером был седьмой, шедший впереди всех самолет Су-2.

Я шел слева вторым ведомым. Вася Локаткин был за мной — замыкающим и, как всегда, отставал от строя метров на пятьдесят. Нехорошая это привычка...

«Ну, — думаю, — зря, Вася, пренебрегаешь советом Ивана Раубе. Чуть-чуть отстал от своих — и поминай как звали...»

В полку почему-то все называли Локаткина Васей, хотя его настоящее имя — Семен. Он мог великолепно летать, был отважным парнем, но эта его привычка...

Вышли на цель. Отбомбились по танкам и уходим домой.

Ведущий развивает максимальную скорость. Мотор моего самолета тянет слабо. Я отстаю, а Локаткин где-то совсем позади.

«Вася, прибавь газу!» — хочется мне крикнуть, но на моей машине нет передатчика.

Сбавляю немного скорость в ожидании Васи.

Откуда-то сверху, точно коршуны, кидаются на нас «месеры». Атакуют Васю, клюют его из пушек один за другим.

Самолет Локаткина загорелся, вошел в штопор и врезался в берег Донца, на территории, занятой противником.

«Теперь, — думаю, — очередь за мной».

На меня идут три «мессера». Они заходят слева.

Удачно маневрирую. В крыле пробоины, но самолет идет нормально. Вдруг справа удар по бронестеклу. В кабину летят осколки. А «мессер» отваливает с набором высоты. Одно мгновение без маневра и опять — удар под самым полом кабины. Мне показалось, будто оторвало ногу. Смотрю в кабину и не ощущаю ее. Шевелю ногой — цела. И тут сверху опять удар, как палкой, по голове.

Темнеет, и все плывет перед глазами. Усилием воли отгоняю противное ощущение полуобморока. Словно в тумане различаю приборы. Пробую управление, самолет послушен. «Значит, еще не все... Поближе, давай, к матушке-земле, пока не поздно...»

С крутым поворотом влево ухажу вниз на бреющий полет. «Добить не успеют... Скоро Донец... Сяду у своих...»

«Мессеры» почему-то отстают.

Вот и Донец. Мелькают крыши и сады городка Красный Лиман. Позади последние домики.

Шасси! (Почему я решил садиться на колеса, не понимаю до сих пор. Ведь это было опасно: самолет весь избит и неизвестно, какая площадка). Выпускаю шасси и сажусь. Как ни странно, все в порядке...

НОВАЯ ТАКТИКА

С вечера прошел сильный дождь. Рано утром над аэродромом нависли белые, словно ватные, хлопья тумана. Летать в такую непогоду нельзя. Майор Зуб созвал на КП командиров эскадрилий, их заместителей.

— Подведем некоторые итоги, — начал он разговор. — Итак, в первом туре нас крепко побили. Здесь, на Кавказе, мы действуем лучше. Точнее и вернее бьем фашистов и меньше несем потерь. Однако сбиты Гаврилов и Майоров, Тимофеев и Елифанов. А почему?

Майор сделал паузу и обвел сидевших вопрошающим взглядом.

— Да потому, что тактика хромает. Мы идем на цель и обратно звено за звеном. Все звенья защищены мощным огнем пушек идущих сзади товарищей. Все, кроме последнего звена. С него-то и начинают истребители противника. Надо менять тактику. Ваши соображения?

— Истребители прикрытия должны лучше охранять последнее звено, — тихо высказывает свое мнение мой комэск капитан Кондратков. — И летать нужно выше. Местность тут гористая.

— Кто еще хочет сказать?

— На дядю надейся, а сам не плошай, — изрек Иван Карабут. — Свои пушки надо использовать в полную силу для защиты от истребителей врага.

— Правильно, — поддерживает его командир полка. — Но иметь хорошие пушки еще не все. Надо уметь еще нанести их на врага. Необходим маневр!

— Последнее звено не прикрыто, а первое — никого не защищает, — спокойно произнес капитан Панин, командир первой эскадрильи. Его волнение выдавала слегка покрасневшая во всю голову лысина. — Замкнуть круг, тогда все будут защищены.

— Верно, — заключает майор Зуб. — «Оборонительный круг» уже известен и применяется на других фронтах. — И словно сам с собой, вполголоса: — Почему до сих пор мы не додумались использовать его, просто непонятно. Ведь мы давно уже не бомбардировщики и не имеем на машине сзади пулемета. А придерживаемся старой тактики. Видно, по привычке...

В тот же день, как только немного очистилось от тумана небо, мы попробовали «каруселить» над своим аэродромом. И вскоре с наступлением летной погоды испытали в бою эту новую для нас «круговую оборону».

В очередной боевой вылет повел шестерку командир полка Зуб. Бомбы сброшены точно по цели. А вот и «мессеры» ринулись в атаку.

Наш ведущий с завидным спокойствием говорит по радио:

— Внимание, внимание! Слева сзади — истребители противника. В «круг»!

Он закладывает глубокий вираж. Повторяю маневр своего командира, не отстаю. В четком порядке выполняют вход «в круг» и остальные четыре самолета. «Круг» замкнут. Теперь к нам не подойдешь. Атаки «мессеров» всюду встречают немедленный отпор. Противник отлично знает силу наших двадцатитрехмиллиметровых пушек ВЯ — названных так по первым буквам фамилий их конструкторов — Волкова и Ярцева.

Прекратив атаки, «мессеры» улетают, а мы выходим из «круга» и торопимся домой.

По дороге неожиданно всплывает в памяти один из рассказов отца о случае в ночном. Люди, пасшие табун, заснули у костра. А волки тут как тут. Лошади их учуяли, сбились в круг: посередине молодняк и старые лошади, а кругом ездовые, рабочие кони. Не подступиться к ним: ударят копытами задних ног. Покрутились волки, покрутились, зубами пощелкали да и, как только стало светать, убежали в лес. Здесь уже и люди проснулись...

— Новая тактика — стоящая тактика, — подытоживает этот боевой вылет командир полка. — Проверили и берем на вооружение.

Боевой порядок «круг» применялся в полку до самого конца войны. Он позволял надежно обороняться от атак вражеских истребителей и сохранил жизнь многим моим товарищам по оружию.

ОБОРОНА ОРДЖОНИКИДЗЕ

Танкам противника не удалось прорваться на Кавказ через Малгобек. Все атаки бронированных полчищ были отбиты частями Красной Армии. Но фашистское командование, сосредоточив большое количество войск и техники, предприняло еще одну попытку проникнуть в Закавказье.

На этот раз главный удар был направлен со стороны Нальчика через Эльхотовские ворота — узкий проход по долине ре-

ки Терек между двух горных хребтов. Врагам удалось вырваться на равнину Северной Осетии. Они решили с ходу захватить город Орджоникидзе и по Военно-Грузинской дороге проникнуть в Закавказье. (Недаром город Орджоникидзе в прежнее время назывался Владикавказом: он прикрывает путь в Закавказье.) Однако планы командования противника провалились. Наши наземные части в тяжелых боях сумели остановить броневую лавину. Серьезную помощь в этом им оказала авиация. Целыми днями соединения штурмовиков и бомбардировщиков Северной группы войск Закавказского фронта «долбили» скопление вражеских танков на подступах к городу Орджоникидзе вблизи населенного пункта Гизель. Совместными усилиями всех родов войск атаки противника были отбиты. Скопление бронетанковых войск под Гизелем окружено и разгромлено.

В эти напряженные дни немецкие истребители появлялись над полем почти при каждом боевом вылете наших групп. И мы настолько уже привыкли к этому, что чувствовали себя спокойно, когда не видели «мессеров», помня, что самое страшное — это внезапный удар противника. Поэтому, обнаружив истребителей, мы чувствовали себя увереннее, зная, как от них защищаться.

В «оборонительный круг» вставляли довольно часто, случалось, по несколько раз в одном боевом вылете. Маневр этот был освоен в совершенстве. Но для того, чтобы «круг» был замкнутым, требовалось не менее шести самолетов. Иногда же приходилось летать и небольшими группами — по два-четыре самолета.

...Фашистские танки пытаются форсировать реку Терек в районе Ардона.

На КП полка поступило боевое распоряжение:

— Срочно помочь наземным войскам отбить танковую атаку.

Погода плохая. Низкая облачность. Поэтому решено лететь звеньями на малой высоте и без истребителей прикрытия.

Одну из троек веду я. Мои ведомые — Борис Киселев и Саша Кубай — летчики из молодого пополнения, но машинами владеют отлично.

В районе цели погода оказалась лучше. Облака поднялись метров до 800 и редуют. Просвечивает солнце. А это плохо, могут быть истребители противника...

Едва успеваем сбросить бомбы по танкам, как из-за облака выскочили два Ме-110 — двухкилевые двухмоторные истребители. Про них на фронте ходили легенды. Говорили, что Ме-110 обладает огромной скоростью и высокой маневренностью. Сзади к такому самолету не подойдешь: сидит стрелок с крупнокалиберным пулеметом. С такими самолетами встречаемся впервые.

Они уже атакуют второго ведомого Киселева. Кричу ему по радио:

— Борис, маневрируй! Сзади 110-й!

А сам ввожу самолет в глубокий вираж. Ведомые летят за мной, не отстают. Немцы, надеясь на маневренность своих машин, вслед за нами тоже вошли в вираж и пытаются поймать в прицел самолет Бориса.

Однако «илы» оказываются маневреннее «мессеров». И уже на втором вираже — мы в хвосте у немцев. Да поторопились: открыли огонь с большой дистанции. Сбить фашистов не удалось. Но они все же учуяли, чем, как говорится, пахнут наши пушки, дали полный газ и удрали, пользуясь преимуществом в скорости.

Это был уже выигрыш в бою. Хваленые двухмоторные скоростные истребители Ме-110 спасались бегством от «илов»!

Пришли домой. Доложили обо всем на КП.

— Так, значит, и ушли фрицы, не попрощавшись? — улыбаясь, спрашивает гвардии майор Зуб.

— Удирали без оглядки! — вторим мы в тон командиру полка. — На скорости больше пятисот километров в час. А может, и оглядывались, как бы их не догнали на скорости четыреста километров.

— Радиус виража пропорционален квадрату скорости, —

посерьезнев, продолжает командир полка, — а на глубоком вираже у нас радиус меньше. Значит, мы можем бить Ме-110. Хлопцы, надо обязательно об этом рассказать всем летчикам. Развенчать дутую славу двухкилевых разбойников.

— Может, в стенгазете поместить заметку? — спрашивает у командира полка капитан Лещинер. Он еще по старой памяти отвечает по партийной линии за выход стенгазеты. — Как раз там место осталось.

— Это, пожалуй резон, — соглашается гвардии майор Зуб. — Давайте. Так, пожалуй, дойдет быстрее и лучше.

Стенная газета в полку выпускалась регулярно. Красочно, ярко оформлялась. Содержала довольно острые заметки, не только писала о положительном, но и критиковала недостатки, называла фамилии допустивших ту или иную оплошность, тот или иной промах. Обычно около свежего номера всегда толпились люди. Вывешивалась газета на стенде, рядом со столовой.

Некоторые заметки потом горячо обсуждались ребятами на отдыхе, в общежитии. Написал и я свою первую статью в полковую стенную газету. Долго еще потом надо мной ребята при случае подшучивали:

— Нашел время Сивков заняться теорией...

— В академию его...

— Чего уж там академия... прямо в генштаб...

КОНЕЦ ВТОРОГО ТУРА

Еще несколько дней напряженных боев в районе города Орзжоникидзе. Теперь уже ясно, что враг не пройдет. Это, по-видимому, понимает и командование немецко-фашистских войск. Танковые соединения настолько искромсаны совместными усилиями «земли и неба», что врагу не до жиру, быть бы живу.

На смену нам прилетел 214-й штурмовой авиационный полк. Наш полк должен направиться на пополнение и кратковременный отдых.

Капитаны Кондратов и Токарь, старший лейтенант Карабут и я остаемся на несколько дней на старом месте, чтобы передать боевой опыт вновь прибывшим товарищам, как это делали полгода назад гвардейцы 7-го полка, обучая легчиков наших эскадрилий. По всему похоже, что мы завершаем второй тур на Ил-2.

Майор Провоторов заканчивает очередную запись в дневнике боевых действий полка. Смотрю на его твердый почерк. Читаю крупные, аккуратно выведенные строчки.

«10 октября 1942 года. Произведено 24 боевых вылета.

12 октября. 33 боевых вылета. Подбиты четыре самолета. Приземлились дома.

14 октября. 24 боевых вылета. Отбита танковая атака противника...

19 октября. 12 боевых вылетов на станцию Моздок. Сбит Тимофеев, самолет его взорвался в воздухе. Подбит самолет Киселева, он ранен.

25 октября. Воздушный бой над своим аэродромом. Сбит один Ме-110 и один ЛАГГ-3. 5 боевых вылетов. Сбит Земляков зенитной артиллерией. Сивков сел на вынужденную посадку.

26 октября. 12 боевых вылетов по танкам в районе Котляровской.

27 октября. 12 боевых вылетов по танкам. Кочкарев сел на вынужденную посадку.

29 октября. 22 боевых вылета.

31 октября. 12 боевых вылетов. Не вернулись с задания Карташов и Епифанов.

1 ноября. 22 боевых вылета по танкам. Сбит самолет Карабута, он спасся с парашютом. Вернулись Карташов и Епифанов.

2 ноября. 12 боевых вылетов. Прибыл Карабут.

4 ноября. 10 боевых вылетов парами на Гизель.

5 ноября. 27 боевых вылетов на Гизель. Подбит Хлопин. Ранен Ишмухамедов. Сбиты летчики из 7-го гвардейского полка Кузнецов и Жуков.

6 ноября. 16 боевых вылетов на Дзуарикау и Ардон. Жуков и Хлопин вернулись в полк.

7 ноября. 14 боевых вылетов. Бой с истребителями противника. Не вернулись Епифанов, Демидов, Кочкарев, Гладков. Самолет Кубая получил 142 пробоины.

13 ноября. 4 боевых вылета парами на бреющем полете. Самолет Токаря получил 97 пробоин. Не вернулся Кубай».

— Ну, как? — спрашивает начальник штаба, дождавшись, пока я читаю последнюю строку. — Есть чего добавить?

— Нечего. Все правильно, хотя и скупо.

— Эмоции не для военного документа, — замечает как всегда резко и прямолинейно Провоторов.

Да, действительно, эмоций у нас теперь все меньше и меньше. По крайней мере так кажется внешне. Но мы теперь умеем бить врага.

Берегись, заклятый враг — немецкий фашизм. Ты никуда не спрячешься. Тебя будет жечь неистребимый огонь возмездия наших сердец, везде и всюду, пока не испепелит дотла!

ПОДВИГ НИКОЛАЯ КАЛИНИНА

Наши войска гонят фашистов все дальше и дальше на запад, к Керченскому проливу.

Освобождена станция Славянская, родина Николая Есауленко. С разрешения нового командира полка подполковника Галущенко Прохоров и Есауленко на По-2 летали к матери Николая. Пробыли там два дня.

А 17 сентября мы перебазировались ближе к линии фронта, в станицу Славянскую. Не успели еще зарулить на стоянки, как поступило срочное задание: бить по немецким эшелонам на станции Джигинская.

Мне приказано вести четверку. В составе группы — экипажи Александра Маркова, Николая Калинина, Николая Антонова.

Как всегда перед вылетом, майор Провоторов, поставив задачу, предупредил:

— Поосторожней будь, Гриша... Зениток там чертова уйма.

Линия фронта находилась в постоянном движении, и где расположены зенитные точки противника, мы, конечно, в этот раз не знали. Поэтому было решено нанести короткий удар с ходу, с прямой. Затем разворот на 180 градусов, обстрел пушечно-пулеметным огнем и уход от цели со снижением до бреющего полета.

Спокойно миновали линию фронта. Ни истребителей, ни зениток. Подошли к станции. Вижу два эшелона. Небольшой доворот, и мы входим в пикирование. Две-три очереди из пушек, залп ракетных снарядов — и бомбы пошли в цель. Порядок!

Теперь быстрый разворот на 180 градусов для повторной атаки.

И вдруг со всех сторон засверкали красные шарики «эрликонов»! «Ах, бандюги, плотный огонь по ведущему! Старый прием!..»

Треск справа спереди! В кабине стало жарко, как возле чугунной печки. «Кажется, все, — мелькнуло в сознании, — горим...»

Но нет, еще не все. Мотор пока работает отлично. Запахло кипящей водой. «Ага, значит, пробита система охлаждения, но сам мотор не пострадал. Долго, однако, не протянет, перегреется и заклинит... До своих далеко, километров сорок... Не дотянуть... надо на север, ближе к реке Кубань. Там камыши и кустарник. Можно спрятаться, пока придут наши...»

Разворот влево. Курс 360 градусов. Оглядываюсь назад. За мной идут только два самолета: Марков и Калинин. «Где же Антонов?» В свистопляске огня и маневров я не заметил, как он куда-то исчез.

Три-четыре минуты полета, и вот она, полноводная красавица Кубань. Идем на восток, вдоль северного берега. Скорость уже заметно падает. Обороты двигателя уменьшаются. Вот-вот мотор остановится. И тогда немедленная посадка

где придется... на более или менее пригодную площадку. Пожалуй, эта... Пора, пока не поздно... «Убрать газ. Выпустить посадочные щитки. Шасси не выпускать. Садимся на фюзеляж. Зачем жалеть машину — ведь это территория противника».

...Самолет уже несется над землей. Вот-вот коснется ее, уже, кажется, чуть-чуть зацепился. Руку вперед, на приборную доску, перед головой, чтобы смягчить удар и не набить шишек...

Р-раз!.. Из глаз — искры. Сухой металлический треск. Облако пыли. И вдруг все стихло...

Поднимаю голову. Ветерком быстро относит пыль. Земля необычно близко. Самолет лежит на фюзеляже.

Медлить нельзя. Фашисты будут охотиться за нами. Надо во что бы то ни стало вовремя уйти, спрятаться получше.

Фонарь открыт. Шлемофон с головы долой. Вместо него — пилотка из кармана. Лихорадочные, машинальные действия. И вполне осознанное: подготовить пистолет к бою.

Спрыгиваю с крыла на землю. Воздушный стрелок Степан Пластунов уже выскочил из кабины, с пистолетом наготове.

Над нами проносятся самолеты Маркова и Калинина. Накренив машины, они смотрят, что с нами.

Оглядываюсь вокруг. Площадка приличная. Сесть можно. И неожиданно для себя делаю широкий взмах руками — сверху вниз к земле: «Садись! Выручай! Сесть можно!»

Саша Марков понял: покачивает самолет с крыла на крыло. И заходит на посадку, но... садиться нельзя. Шасси повреждено зенитным огнем. Перебит подкос левой стойки щас-си. Саша снова проходит над головой и покачивает крыльями. Расшифровываю этот ответ: «Смотри, рад бы выручить из беды, да не могу!..»

Медлить нельзя.

— Степан Иваныч! — кричу Пластунову. — Бежим в камыши, пока не спохватились фрицы!

— Смотрите, смотрите! — кричит Пластунов. — Калинин заходит на посадку.

Коля Калинин хороший летчик, умный, спокойный парень. Но сесть на маленькую площадку, да еще на территории противника, — совсем не так просто. Тут надо обладать железной выдержкой и сознательно принять решение добровольно полезть дьяволу в пасть, которая в любой момент может захлопнуться: достаточно одной пули из автомата в баллон колеса — и уже не взлетишь!..

Риск огромный. Но решение ребята принимают мгновенно. Летчик Николай Калинин и воздушный стрелок Леонид Татаренко, рискуя собственной жизнью, садятся на вражескую территорию ради спасения товарищей.

Калинин планирует. Шасси выпустил, выравнивает, вот-вот коснется колесами земли, но... дает газ и уходит на второй круг. Не рассчитал. Площадка все же маловата...

До камышей метров пятьсот. Мы бежим туда. Не успели пробежать и полпути, видим, как Калинин, сделав небольшой круг, снова пытается сесть. Теперь уже нам не до камышей. Надо бежать туда, где его самолет остановится после пробега. И мы поворачиваемся в сторону садящегося самолета.

Калинину опять не удастся сесть. Мы снова бежим к камышам. Раз пять заходил Николай на посадку. И мы метались туда и обратно. Степан Иванович — спортсмен. Он — впереди, я — позади. Ему ничего. А из меня уже и дух вон.

— Хватит бегать туда-сюда, — говорю Степану Ивановичу, — прячемся в камышах. Слышишь, стреляют? Наверно, фрицы очухались...

Высоченный — метра четыре — густой камыш. Задыхаясь, как загнанные лошади, бежим в глубь зеленой чащи. Пытаемся «замести» свой след в камыше. Руками выравниваем за собой высокие упругие стебли.

Остановились. Прислушиваемся. Что же дальше? Над головой по-прежнему рокот моторов и почему-то короткие очереди из пушек, сухой треск крупнокалиберного пулемета. Что они кружат? Почему не идут домой? Почему стреляют?

Снова подбираемся к краю зарослей. Осторожно выглядываем. Но что это?! Самолет Калинина уже катится по земле!

Бежим!!!

Калинин ждет, винт вращается на малых оборотах.

Бежать осталось метров четыреста. И вдруг справа от самолета взрыв. Значит, нас уже заметили фашисты!

По самолету Калинина бьет тяжелый миномет врага. Разрывы все ближе и ближе. Вот-вот накроет, тогда амба... Бегу, а сам машу рукой к себе, — мол, Коля, отрули от разрывов, к нам поближе. А он почему-то медлит и продолжает стоять на месте. По-видимому, понял меня по-своему: дал команду воздушному стрелку Леониду Татаренко поджечь наш самолет. Леонид мчится к самолету, лежащему на фюзеляже, прострелил бензопровод, поджег бензин и — обратно.

Калинин увидел разрывы мин и стал подруливать к нам поближе. Запыхавшись, вскакиваем с Пластуновым на крыло. Николай освободил уже место в кабине летчика, спрашивает меня:

— Сами будете взлетать?

— Сам.

Калинин, Пластунов и подоспевший Татаренко быстро втискиваются в кабину стрелка. Я сажусь за управление.

Спешно выруливаю на взлет. С одной стороны — стена камыша, с другой — воронки от разрывов мин.

Начинаю взлет. Самолет что-то тяжело разбегается. Того и гляди, врежемся в кустарник... Включаю форсаж. Едва-едва оторвался от земли.

Смотрю на счетчик оборотов: он показывает 1800 вместо 2300 взлетных оборотов. Оказывается, второпях я не перевел регулятор оборотов винта во взлетное положение. И из-за моей оплошности все мы могли погибнуть. «Пускай уже взлетал бы Коля Калинин, — поймал я себя на мысли, — он это сделал бы лучше...»

Все, к счастью, обошлось благополучно. Мы прилетели на свой аэродром в станицу Славянскую.

...Экипаж Коли Антонова не вернулся с боевого задания. А Саша Марков удачно приземлился на одно колесо. Только в конце пробега его самолет, как подстреленная птица, опу-

стился на подбитую «ногу», чиркнул концом крыла по земле и, описав небольшую дугу, замер.

— Кто же стрелял из пушек? — спросил Пластунов Сашу, когда тот, не спеша, подошел к землянке КП.

— Я... увидел, как на дороге остановилась машина с немецкими автоматчиками. Они пытались окружить вас. Я и решил придержать их немного...

4 февраля 1944 года за этот подвиг и за отличное выполнение боевых заданий Николаю Калинин у было присвоено звание Героя Советского Союза. Но Коли тогда уже не было с нами...

«СЕРДЦУ НЕ ПРИКАЖЕШЬ...»

Войска Советской Армии на всех фронтах осуществляли зимнее наступление. Фашисты с боями отходили на запад, туда, откуда они пришли.

...Вспоминается праздничный вечер 6 ноября 1943 года. Накануне полк провел массовые боевые вылеты. Помогали морским десантникам боеприпасами, продовольствием, медикаментами, поливали свинцом с воздуха немецкие окопы. А в этот праздничный день не было боевых вылетов.

Сидим с Женей Прохоровым в президиуме торжественного собрания личного состава полка. Майор Провоторов зачитывает праздничный приказ.

Коля Есауленко в зале важно восседает между двумя девушками.

— Смотри-ка, он уже проник в этот монастырь, — толкает меня Женя и показывает на Колю глазами.

— Откуда девчата? — шепотом спрашиваю у него.

— Откуда ж им быть, как не из полка майора Бершанской.

Неподалеку размещался женский авиационный полк ночных бомбардировщиков.

— Жень, где-то эту чернявую, круглолицую, слева от Коли сидит, я мог видеть?

— Поди у нее спроси, — смеется Женя.

Девушки, очевидно, заметили наше перешептывание и чересчур пристальное внимание. Порозовели от смущения.

Потом мы узнали, что это были Ава Артемова и Катя Рябова. Ава до войны окончила Херсонскую авиашколу и работала летчиком-инструктором в Краснодаре. Опытный летчик, она успешно выполняла боевые задания в 4-й эскадрилье женского авиаполка. Катя была штурманом 4-й эскадрильи.

...После торжественной части мы с Женей пригласили девушек танцевать. А Николай уже успел предупредить нас:

— Между прочим, симпатичная блондинка — это Ава. Она уже занята...

Чернявая, круглолицая оказалась Катей Рябовой. Танцевала она со мной. А месяц спустя мы с ней случайно повстречались в Кисловодске, куда меня командование направило на отдых.

...Так вот негаданно-нежданно свела меня судьба с Екатериной Рябовой.

...Вскоре мы вместе уезжали из Кисловодска, каждый в свой полк.

Шла война. Как и прежде, вылетали мы на боевые задания. И продолжали дружить. Таков уж закон жизни: сердцу не прикажешь...

ЗАМПОЛИТ ПРОВОДИТ ЗАНЯТИЕ

Душой и костяком полка, как и в других полках дивизии, были коммунисты. Они работали на всех ответственных участках в эскадрильях большого полкового хозяйства. Участвовали в самых сложных и ответственных боевых операциях. Обычно они были там, где наиболее трудно и опасно. Первыми осваивали новые самолеты, первыми летали на них по новым трассам воздушных дорог войны, первыми принимали на себя атаки вражеских истребителей и огонь зенитной артиллерии. Своим личным примером, отвагой и мужеством, лютой ненавистью к фашизму, беззаветной преданностью Ро-

дине, своей партийной принципиальностью они вели за собой личный состав полка в жестоких схватках с немецко-фашистскими оккупантами. Вместе с ними бок о бок шли их верные и надежные помощники — комсомольцы полка.

Для всех нас навсегда останутся примером партийного, самозабвенного и честного отношения к общему делу, к своему воинскому долгу командиры-коммунисты. Лично я с большой любовью и глубоким уважением храню память о своих командирах, боевых товарищах коммунистах подполковнике Николае Антоновиче Зубе, майоре Артемии Леонтьевиче Кондраткове, майоре Иване Ивановиче Панине, старшем лейтенанте Иване Раубе и многих, многих других.

...Партийная организация полка систематически пополняла свои ряды за счет лучшей части комсомольцев и беспартийных личного состава полка.

...После гибели воздушного стрелка Леонида Татаренко в его вещах была найдена записка: «Если я погибну, прошу считать меня коммунистом. Товарищи, громите врага, гоните немцев с нашей земли. Дадим нашему народу такую счастливую жизнь, какой она была до войны. Вперед, на запад!»

Партийной работой в полку руководили заместитель командира полка по политической части майор Афанасий Григорьевич Куш и парторг полка капитан Ясырев.

Помню, как в одну из передышек между боями майор Куш мне сказал:

— В двадцать один ноль-ноль будет инструктивное политзанятие.

Пужинали на скорую руку. Вышли из столовой, стоим разговариваем, курим. Женя Прохоров рассказывает очередную байку. Вокруг него стайка молодых летчиков.

— Все в сборе? — спрашивает подошедший майор Куш.

— Все, — отвечает парторг полка Ясырев.

— Тогда пойдемте в аудиторию.

Пропускаем вперед майора и следуем за ним в столовую...

— На сегодняшнем занятии мы начнем изучение доклада Председателя Государственного Комитета Обороны на торже-

ственном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1943 года о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Майор отрывается от тетради, окидывает взглядом аудиторию. Слушают его с вниманием. Он отходит от трибуны, держа в руке, словно указку, карандаш...

— Первый раздел доклада называется: «Год коренного перелома в ходе войны». Что это означает? — Майор сделал паузу. — Это означает, товарищи, что надежды немецко-фашистского командования на «молниеносную войну» провалились и враг терпит поражение на всем советско-германском фронте.

Майор опять приблизился к трибуне, окинул взглядом сидевших, очевидно, проверяя, как доходят его слова. Все по-прежнему были во внимании.

— Почему именно истекший год — от 25-й до 26-й годовщины Октября — является переломным? Давайте рассмотрим в деталях. Во-первых, прежде всего потому, что именно в этом году Красная Армия осуществила впервые за время войны большое летнее наступление. Фашисты вынуждены были поспешно оставлять временно захваченную ими территорию, бросив большое количество техники, вооружения, раненых солдат и офицеров. Успехи летнего наступления явились продолжением и завершением успехов нашего зимнего наступления этого года.

...Майор сделал паузу.

— Истекший год является переломным и потому, во-вторых, что Советская Армия нанесла поражение врагу под Сталинградом, а затем закрепила успех в битве под Курском; в короткий срок перебила опытные старые кадры немецко-фашистской армии. Только за этот год немцы потеряли более 4 миллионов солдат и офицеров, 14 тысяч самолетов, более 25 тысяч танков и не менее 40 тысяч орудий. Кадры Советской Армии за истекший год выросли, окрепли и закалились в огне успешных наступательных боев. Мы это, товарищи,

чувствуем по себе в своем полку. Сколько у нас выросло способных и опытных командиров эскадрилий и их заместителей.

Майор указал на Михаила Ткаченко, Женю Прохорова и Николая Есауленко.

— В-третьих, этот год является переломным еще и потому, что успешное наступление Советской Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, которая переживает глубокий кризис и стоит перед своей катастрофой.

Майор закрыл тетрадь, в которую он так и не заглянул ни разу, а вел беседу по памяти, без конспекта.

...Расходились мы под впечатлением беседы майора Куца. Нам предстояло провести такие же политбеседы среди коммунистов и комсомольцев своих эскадрилий.

Подобные беседы закаляли нас идейно, повышали наше политическое, классовое чутье, помогали осмысливать события на фронтах войны, давали новый заряд нашей обывденной жизни, вселяли еще большую уверенность в нашей окончательной победе над врагом, звали к новым боевым сражениям с немецким фашизмом.

НА СЕВАСТОПОЛЬ!

В апреле началось изгнание немецко-фашистских захватчиков из Крыма.

Керчь была разрушена почти до основания. Линия фронта делила город пополам. Город постоянно подвергался бомбежкам, обстреливался из орудий и минометов. На улицах шли танковые бои. С самолета город казался грудой развалин. Коробки домов, заваленные обломками, стояли без окон и крыш.

Обескровленный город фашисты долго не оставляли, упорно и озверело оборонялись. Они стали отходить лишь тогда, когда через Перекоп в Крым вошли войска 4-го Украинского фронта.

Противник отступал в панике. Полк удачно использовал создавшуюся обстановку. Весь день, с рассвета до темноты, продолжались полеты. Здесь у противника не было ни истребителей, ни зенитных орудий. Штурмовики, конечно, за все отыгрались. Бомбили отступавшие колонны автомашин, уничтожали живую силу врага. Преследовали фашистов вплоть до Феодосии.

11 апреля полк совершил 60 боевых вылетов в район станции Семь Колодезей. Там было много автомашин, повозок артиллерии и пехоты противника. Все это двигалось в беспорядке на запад...

После гибели майора Панина меня назначают штурманом полка. Свою первую эскадрилью я передал Михаилу Ткаченко, опытному и отважному летчику.

Вскоре в полк пришла и радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20 апреля 1944 года Николаю Антоновичу Зубу (посмертно), Михаилу Ткаченко, Анатолию Синькову присвоено звание Героя Советского Союза.

1 мая 1944 года наша 230-я штурмовая авиационная дивизия награждена орденом Красного Знамени.

Полк перебазировался под Симферополь. Начались боевые полеты в район Севастополя.

Немецко-фашистское командование стремилось удержать как можно дольше оборонительный рубеж в районе Севастополя, чтобы эвакуировать морем свои войска в Румынию. Подступы к городу были сильно укреплены инженерными сооружениями из металла, земли и бетона, что сильно затрудняло действия наступавших.

Полк получил задание оказать поддержку с воздуха наземным частям Советской Армии, которые вели напряженные бои.

Сначала летали мы на северную сторону города. По дороге к цели и по высоткам у самой бухты было много вражеских зенитных батарей. Нередко здесь появлялись истребители противника.

В боях под Севастополем отлично показал себя лейтенант Измаил Алеев. А воздушный стрелок Сергей Тимошенко один со своим пулеметом УБТ отбил атаки шести «фокке-вульфов», имевших по четыре пушки каждый. И особенно, помню, отличился Михаил Ткаченко. Был он хорошим летчиком, водил группы. Перед штурмом Севастополя к нему попала газета, в которой он случайно обнаружил фотографию своего брата — узника фашистского концлагеря в полосатой тюремной одежде и под номером. Это был младший брат Михаила, которого он очень любил.

И после этого случая Михаил Ткаченко летал каждый день по несколько раз на задания, пренебрегая всякой осторожностью, лез в любой огонь, ни с чем не считаясь. Михаил и так был прямой противоположностью Ивану Карабуту, который привык делать все по расчету, точно, без потерь и излишнего шума. А тут Михаил словно осатанел, норовил в самую гущу огня, бил из пушек, поливал позиции противника из пулеметов, косил, точно косой, зазевавшихся вражеских солдат.

Полк под Севастополем нес большие потери в летном составе и материальной части.

7 мая совершено 33 боевых вылета. В этот день не вернулись на свой аэродром 6 экипажей, в том числе не прилетел Михаил. Он на следующий день пришел пешком в полк. Самолет его подожгли вражеские зенитчики, а он выпрыгнул с парашютом и спасся.

8 мая в бою мы потеряли еще два экипажа.

После нескольких боевых вылетов на Мекензиевы горы начался штурм Сапун-горы нашими наземными войсками. Здесь слились в мощный кулак отдельная Приморская армия, гнавшая немцев с востока, и 4-й Украинский фронт, преследовавший противника с севера. Сюда была стянута авиация двух фронтов. Воздушные армии были объединены.

— Все расписано как по нотам! — восхищался майор Кондратков. — Кому, когда, сколько быть над целью.

Действительно, все было рассчитано по минутам. Интервалы между группами сохранялись незначительные. Мы от-

штурмовались, уходим и видим, как нам на смену идут новые группы «илов» на штурм Сапун-горы.

Штурмовиков постоянно и неотступно прикрывали группы истребителей. Нас часто прикрывал со своими ребятами наш бывший однополчанин и друг, большой души человек, замечательный летчик-истребитель Паша Хлопин. Как сейчас помню, летим мы, он подойдет близко, пристроится к группе, сделает бочку, покрутится немного возле нас и стремительно уходит к своим, где ему положено быть в боевом порядке.

Управление нашими войсками под Севастополем, насколько я могу судить с учетом мнения и своих однополчан, было чрезвычайно четким и эффективным.

9 мая сводил я свою восьмерку в последний раз на Севастополь. Нам был приказ подавлять огневые точки противника в районе Шестая верста — высота 179,0 и на окраине города.

В этот же день наземные войска двух фронтов взяли Севастополь.

Последние остатки фашистов еще сопротивлялись на мысе Херсонес, но они вскоре были сброшены в море. Полк бил по отходящим кораблям противника.

За ратный подвиг, проявленный при взятии города Севастополь, 210-му штурмовому авиационному полку было присвоено наименование Севастопольский.

В это время командир дивизии полковник Гетьман вызывает начальника парашютно-десантной службы капитана Гуржия и меня. Предлагает пойти на учебу в академию.

Тима просит:

— Не посылайте меня. Откомандируйте лучше в разведывательный полк. В этом деле у меня есть некоторый опыт.

— Да, молодым нужен ваш опыт, — говорит командир дивизии. — Опытные летчики нам нужны, чтобы обучать боевому летному искусству молодых. Это верно... А что скажете вы? — обращается он ко мне.

— В академию буду проситься после войны. А пока прошу оставить в полку.

Командир дивизии дружелюбно улыбнулся и сказал:

— Кадры всегда нужно готовить. Хотя и война подходит к концу. А поступаете вы, хлопцы мои, правильно. Другого ответа, по совести говоря, я и не ожидал от вас... Летайте!..

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ

...После упорных жестоких боев под Будапештом войска 3-го Украинского фронта опять пошли в наступление.

Полк перебазировался на аэродром близ населенного пункта Кишкунлацхаза. Здесь у меня был, пожалуй, самый неудачный боевой вылет за все годы войны.

Наземные части по-прежнему стремительно наступали. Мне было поручено вести группу в 18 самолетов в район западнее Будапешта и приказано:

— Бить по танкам противника!

Прилетели в заданный район. Вижу танки. Один от другого метрах в 50—100. Неожиданно вспомнилось, под Гизелем танки стояли впритык, а здесь рассредоточены, замаскированы. И еще мешает густая дымка. Цель обнаружил с опозданием. С ходу поразить было уже нельзя. Надо делать новый заход.

Вокруг тишина.

«Не торопись сбрасывать бомбы, — говорю сам себе. — Зениток не видно, истребителей тоже...»

Завожу четверки на второй заход. Не успел развернуться на 180 градусов, как воздушный стрелок докладывает:

— Справа большая группа самолетов!

Вижу, ходят кругом, стреляют из пушек по земле.

Пока их рассматриваю, воздушный стрелок кричит:

— Чужие истребители, штук пятьдесят!

Отчетливо вижу самолеты противника. Штук тридцать «фокке-вульфов» и штук двадцать Ме-109.

Покачиваю крыльями и сбрасываю бомбы по немецким танкам. За мной повторяют маневр ведомые.

Фашисты нас обнаружили. Их пятьдесят, а нас восемна-

дцать штурмовиков и шесть истребителей прикрытия. Деваться некуда. Нас атакуют. Истребители отвлекли на себя половину самолетов противника. Остальные самолеты врага пошли на нас.

Густая дымка не позволила замкнуть оборонительный «круг». Идем колонной пятерок и четверок. Ведем оборонительный бой. Последующая группа прикрывает предыдущую. Однако последнюю четверку обороняют только стрелки.

Сбиваем четыре «мессера». Но и наших восемь штурмовиков не возвращаются с задания.

Через два дня пять из восьми экипажей пришли благополучно в полк. Два экипажа — Балакина и Колобкова — погибли. Летчик третьего экипажа Филиппович вернулся один без воздушного стрелка Грехнева, погиб он.

Плохо, очень плохо, когда ведущий группы приходит на свой аэродром, понеся такие большие потери.

Тяжело переживаю гибель своих товарищей и общую неудачу полета. По деталям разбираю вылет. Если бы увидел раньше цель, то сбросил бы бомбы с первого захода. Потери могли бы быть, но не такие большие. Если бы сразу освободиться от груза, как только увидел самолеты противника, и уходить побыстрее, потери были бы меньшими, но тогда оставалось бы невыполненным боевое задание. А приказы нас научили выполнять неукоснительно. Война есть война. Приказ есть приказ...

Вместе с майором Кондратовым анализируем этот чрезвычайный тяжелый случай.

— Ты, наверно, опять полез на рожон?

Майор недовольно буравит меня глазами.

— На рожон не лез, но так получилось...

— Говори все по порядку, как было!

Докладываю командиру полка в мельчайших подробностях. Он нетерпеливо выслушал, а потом сказал:

— Как увидел немцев, сбросил бы бомбы и уходил бы домой! Урон тогда был бы меньший. Потерять два экипажа и восемь машин...

Майор Кондратков нервно ходит по комнате. А я виновато молчу. Он раздраженно говорит:

— Еще не хватало, чтобы и сам погиб. Что бы мне сказал тогда командир дивизии?

Я по-прежнему виновато молчу. Он, раскаляясь, продолжает:

— Молчишь?! А он сказал бы, что, мол, второго Героя в полку потерял... Наказать бы вас всех, к чертовой бабушке!

«Тяжелее наказания, чем гибель товарищей, не придумаешь».

...Войска 3-го Украинского фронта продолжают продвигаться вперед. Фашисты с боями отступают. По дорогам растянулись колонны автомашин с пехотой противника. Такого огромного скопления людей и машин мне еще не приходилось видеть ни разу за всю войну.

Западнее города Веспрем небольшая речушка. У узкого места, на переправе, образовалась пробка.

Разведка доносит:

— В районе Веспрем около тысячи машин противника и много пехоты.

Получаем приказ:

— Бить по скоплению войск и техники противника!

На задание вылетело около двадцати самолетов, нагруженных противотанковыми бомбочками. На одном штурмовике их почти двести пятьдесят штук, каждая по полтора килограмма весом. Одной такой бомбочки направленного взрыва было вполне достаточно, чтобы прожечь верхнюю броню среднего танка.

Населенный пункт, как муравейник, кишит фашистскими автомашинами. Встаем в «круг», высыпаем, словно горох, бомбочки на автомашины и пехоту врага.

Зениток нет. Появились два «фокке-вульфа», но подойти ближе не рискнули. Обрабатываем противника с толком, с расстановкой. Улетаем после того, как из-за дыма уже ничего нельзя больше разобрать.

Крепко побили фашистов.

Сохранился снимок о результатах удара первых двух экипажей. При дешифровке пленки было отчетливо видно пятьдесят уничтоженных и горевших машин. А всего в том боевом вылете было уничтожено не менее двухсот автомашин противника.

...Поздно вечером, читая газету, узнаю с радостью: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года Кате присвоено звание Героя Советского Союза. Пишу ей тотчас свои поздравления. А на другой день Боря Корецкий вручает мне сразу две корреспонденции: от Кати и ее фронтовых друзей.

«Здравствуйте, «наш» Гриша! Сегодня у нас в части большая радость и большой праздник. В семью наших славных героев влились шесть замечательных девушек нашей страны.

В число этих шести входит и Катюша. Мы думаем, что Вы сейчас вместе с нами радуетесь за Катюшу...

От всей души желаем Вам стать дважды Героем, а Кате матерью-героиней, тогда ни одна чаша весов не перетянет...

Крепко жмем Вам руку.

Коллектив 1-й авиаэскадрильи.

26.2.45 года».

...Наземные войска по-прежнему вели напряженные бои. Линия фронта рядом. Каждый раз кто-нибудь из командования полка выезжал на передовую, чтобы вместе с представителем пехотного командования корректировать и направлять удары штурмовиков. Подошел и мой черед.

...А поздним вечером сижу вместе с группой пехотинцев в лесу у костра. После печеной картошки и кружки чая перечитываю Катины письма, они со мной в планшете.

«Гришенька, здравствуй! Давно я тебе, кажется, уже не писала. Соскучилась очень. Вот напишу тебе, поговорю чуть-чуть, и как-то легче становится. Изменений у меня почти никаких нет, перебазировемся очень часто, и не потому, что быстро продвигаются наши части, а все хорошей площадки никак не найдем, да и фронт наш очень растянулся, то летим на

север, работаем по северному флангу, то на юго-запад и бьем по южному флангу. Вот с этими перелетами я никак не могла написать тебе письмо. Надеюсь, простишь мне это, да? Рокоссовский снова решил организовать котел очень мощный. Снова наша «женская» работа у котла...

Стоим мы сейчас в немецком городе Мариненвердере, но завтра же утром улетаем на другой фланг. Жителей здесь никого. Совершенно пустой город...

Пока. Пойду в столовую. Целую тебя, мой родной, много, много раз. Твоя Катя. 2.3.45 г.».

Поговорил с Катей, стало легче на душе. Потом немного подремал у притухшего костра. А на рассвете опять идем искать новый наблюдательный пункт. Через час-полтора уже корректируем и направляем удары штурмовиков. Занимаемся этим несколько дней, пока наступает наша пехота.

Вернувшись в полк, неожиданно узнаю, что не пришел с боевого задания командир полка. Вел он группу самолетов. Было тихо. Вражеские зенитки себя не обнаруживали. Видимо, подпускали поближе. Зенитный снаряд попал в самолет майора Кондраткова. Не стало еще одного моего наставника, боевого товарища, друга.

...Командиром полка назначили подполковника Заблудовского, опытного, заслуженного летчика и довольно приятного человека.

Война подходила к своему концу. Но враг еще не сдавался, как загнанный, смертельно раненный зверь, обессиленно злобствовал и, гонимый Советской Армией, откатывался назад.

...Вена взята сравнительно меньшей, чем Будапешт, кровью.

По всему чувствуется, скоро конец войне. И тем не менее, когда в ночь с 8 на 9 мая стало известно, что война кончилась, это было для всех большой неожиданностью.

Вечером после очередного боевого задания поужинали и пошли на отдых в деревню Гетцендорф, вблизи которой был наш аэродром. Вдруг среди ночи слышим стрельбу. По тревоге оделись, выскочили на улицу.

— Кто стреляет?

— Почему стрельба?

Наконец разобрались.

— Победа!!!

— Враг капитулировал!

Выхватываем пистолеты, падем в воздух. Деревушку оглашают залпы импровизированного салюта.

Немного вздремнули и рано утром пошли на аэродром.

— Что делать дальше?

Никто в полку не знает.

...Так трудно и долго шли мы к этому заветному дню. И вот он наконец наступил. На душе хорошо от буйной радости победы, и как-то непривычно тихо вокруг. Не надо никуда лететь, не надо никого поливать свинцом и сбрасывать смертоносные грузы. Словно ты остался без дела, к которому уже привык, выполняя свой священный гражданский долг.

Наступил исторический день окончательного разгрома фашистской Германии, день великой Победы.

Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой!

Смотрю на ребят и никого не узнаю. Добродушные, улыбающиеся лица. Ни ненависти в душе, ни злобы во взгляде. До чего же покладист и незлопамятен характер у русского, советского солдата, самого мирного и самого сильного на матушке-Земле!

9 мая 1945 года, как улаживались с Николаем Семериковым и Катей, подал рапорт командованию с просьбой при ближайшей возможности послать меня на учебу в академию имени Н. Е. Жуковского.

С разрешения командира полка поехали с Женей Прохоровым в соседний полк к своему бывшему комиссару Лещинеру в гости. Он уже майор и начальник штаба полка. Там помянули боевых товарищей, павших в войне, и последний раз сфотографировались на память.

Здесь, под красавицей Веной, завершился славный боевой путь 210-го штурмового авиационного Севастопольского

Краснознаменного ордена Кутузова полка. Путь, начавшийся три с лишним года назад на Украине.

А несколько дней спустя командир полка подполковник Заблудовский приказал:

— Поедете в Москву для участия в Параде Победы.

В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ...

Отгремели победные залпы орудий.

Однополчане мои разъехались, кто куда, в разные города и села страны, возвратились к родным очагам. Вместе со всем народом принялись залечивать раны, нанесенные войной, восстанавливать разрушенные фабрики, заводы и города, воскрешать плодородные земли. Многие ребята и девчата стали устраивать свои судьбы.

В июне поженились и мы с Катей. Она к тому времени уже демобилизовалась и готовилась продолжать учебу в МГУ. Свадьбы у нас как таковой не было. После загса устроили небольшой ужин. Гостей собралось немного: Катины родственники, пришел кое-кто из друзей. И наши пути опять разошлись, но не надолго. Катя уехала с женской делегацией во Францию. А я улетел в Австрию, в свой полк.

Так состоялось наше «свадебное путешествие».

Когда находился в Москве, то ходил, конечно, в академию имени Н. Е. Жуковского. Там мне сказали, что в полк давно уже послана разнарядка. Но мне о ней ничего не было известно. Поскольку академия считалась инженерной, очевидно, о разнарядке сообщили только инженерно-техническому составу.

— Как же быть? — удрученно и озабоченно говорю полковнику из приемной комиссии. — Не хотелось бы мне год терять.

— Если в полку отпустят, приедете на подготовительные курсы вне разнарядки. Дадим вам такое письмо. Уж так и быть...

Письмо у меня в кармане. Теперь осталось «самое малое»: чтобы отпустили из части на учебу.

Прилетев в полк, обращаюсь по инстанции к командиру корпуса генералу Толстикову. Он наложил резолюцию на рапорте: «Откомандировать после того, как полк перебазируется».

Понимаю командира корпуса. Я штурман полка и должен обеспечить этот перелет по своей штурманской линии. Получил в штабе карты, разработал маршрут, проверил штурманскую подготовку летного состава. Жду приказа. Готовлюсь к экзаменам. Привез из Москвы учебники за среднюю школу. После работы сижу, штудирую. Многого вспоминать надо: выветрилось за долгие годы войны. Но это не беда, лишь бы поехать на учебу.

Середина июля. Полк готов к перелету. Приказа нет. Поехал в корпус, опять, но уже устно, обращаюсь к генералу.

— Сказал, что отпускаю, значит, отпускаю.

— Время уходит! Год может пропасть, товарищ генерал!

— Наберись терпения. Поедешь в академию.

Прошло еще три недели. А приказа все нет и нет. Снова обращаюсь к генералу Толстикову.

— Напористый вы народ — штурмовики! — улыбаясь, встретил он меня в своем кабинете. — Ладно, езжай, учись. Желаю успеха.

— Спасибо, товарищ генерал!

С третьего захода наконец отпустил меня генерал Толстиков на учебу в академию имени Жуковского.

В Москве поселились у Катиных родителей. В небольшой комнатухе жило нас шесть человек. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 года меня наградили второй медалью «Золотая Звезда».

Первый раз я в Кремле. Необычайное волнение охватило нас, когда мы вошли в здание Большого Кремлевского дворца. Московский Кремль — сердце нашей Родины! Отсюда осу-

ществляется руководство страной, здесь объединялись и направлялись усилия народа на сокрушительный удар по ненавистному врагу — немецкому фашизму, отсюда творческие дерзания миллионов сливаются в гигантский мощный поток, идут в стремительный бросок вперед, к счастью всего человечества!

Награды группе фронтовиков и тружеников тыла вручил заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Я. Наталевич.

После вручения наград мы посетили Мавзолей Владимира Ильича Ленина. С глубоким волнением смотрели на знакомые, родные черты всем нам бесконечно близкого, дорогого человека, великого вождя народов. Каждый из нас мысленно произносил клятву: отдать все свои силы Коммунистической партии, ее неустанной борьбе за осуществление бессмертных ленинских идей.

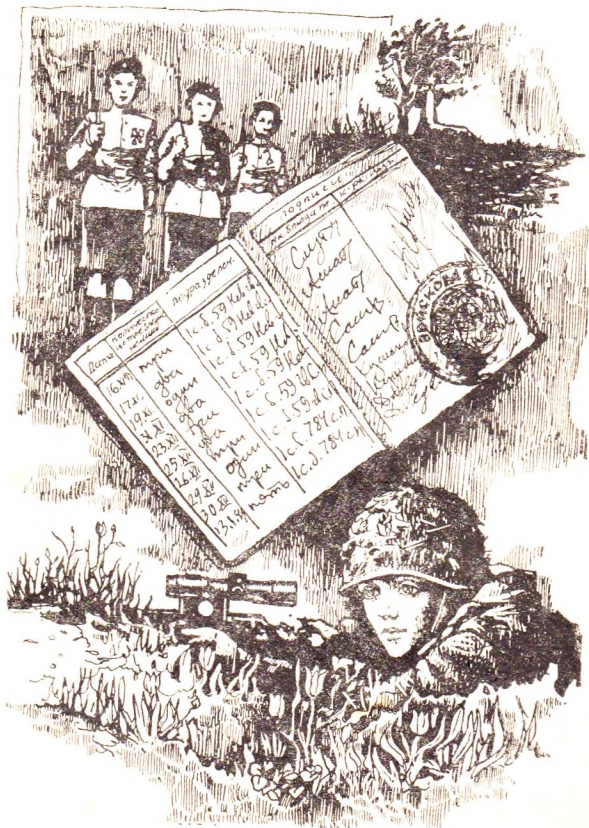
С сентября начались напряженные занятия на подготовительном курсе.

Экзамены сдал я успешно и был зачислен на первый курс Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Наконец-то осуществилась мечта моей юности! Был я на седьмом небе от счастья.

А мечта эта возникла у меня под влиянием моего друга Николая Семерикова. Его девизом было: «Жить и творить на счастье человека». Об этом поведал он мне в одном из своих фронтовых писем. И чтобы оправдать, закрепить этот девиз, Николай очень хотел попасть в такое первоклассное военное учебное заведение, как академия имени Н. Е. Жуковского. Ведь из этого храма авиационной науки вышла целая когорта авиационных конструкторов мировой известности. Академия — поистине кузница инженерных кадров ВВС, достойных великой Страны Советов. Академия — мечта Николая Семерикова, которому не довелось дожить до Победы... Но что не осуществили ведущие, должны довести до конца их ведомые.

**ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВ-
НА МАКАРОВА.** В го-
ды Великой Отечествен-
ной войны закончила
Центральную женскую
снайперскую школу. Про-
шла боевой путь от Ве-
ликих Лук до Берлина,
лично уничтожив более
80 фашистов. Кавалер
двух орденов Славы. По-
сле войны трудилась на
производстве, была на
профсоюзной и спортив-
ной работе. В настоящее
время на заслуженном
отдыхе. Живет в Перми.

В. Лапин

ПОДСНЕЖНИК НА БРУСТВЕРЕ*

НЕОБЫЧНЫЕ СОЛДАТЫ

Позади остались развалины Великих Лук, шоссе бежит в сторону Невеля. За дальней грядой холмов на горизонте погромыхивает, усиливаясь по мере нашего приближения к фронту, артиллерийская канонада. Два грузовика с запыленными гвардейскими значками на радиаторах мчат к передовой роте не совсем обычных солдат.

Посмотреть со стороны — воины как воины: пилотки со звездочкой, пятнистые маскхалаты, винтовки крепко зажаты меж колен. Но порывы встречного ветра вырывают из-под пилоток то светлую, то темную прядь мягких девичьих волос. Нет-нет да и затянет высокий голос песню, и дружно подхватывают ее другие. И винтовки необычные — с оптическим прицелом, укрытым кожаным чехольчиком, и обращение с ними особенно бережное.

Необычные солдаты — это мы, пятьдесят воспитанниц Центральной женской снайперской школы под Москвой. Первый выпуск школы! Каждая из нас горда, что попала во фронтовую роту. Мы только что пристреляли свои винтовки

* Отрывок из книги В. К. Лапина «Подснежник на бруствере. Записки снайпера Любы Макаровой» (Москва, Молодая гвардия, 1966). Повествование ведется от лица главного героя Л. М. Макаровой.

в запасном армейском полку, а некоторые успели и отличиться во время инспекторских стрельб, оставив позади прославленных снайперов армии. Теперь мы направляемся в свою часть — в 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию 3-й ударной армии.

...На развилке головная пятитонка, замедлив ход, сворачивает на проселок. Притормаживает и наш водитель: те, кто в первой машине, едут в 69-й стрелковый полк, а мы — в соседний, 59-й. Это наше первое расставание после снайперской школы, впереди неизвестность. Подруги машут нам, кто-то встает в кузове во весь рост:

— До скорой встречи, девочки! Желаем удачи!

...Из кабины выбирается молоденький лейтенант, он должен сопровождать нас до места.

— Шабаш! Приехали, девушки! Отсюда до передка рукой подать...

Водитель открывает задний борт грузовика. Осторожно передав пристрелянные винтовки тем, кто сошел раньше, прыгаем наземь. Затекие ноги не слушаются. Моя напарница Зоя Бычкова не то для разминки, не то просто так, чтобы посмешить, идет по кругу, переваливаясь, как утка, с ноги на ногу. Раздается смех. Хмурится старшая снайперской группы Саша Шляхова.

— Девочки, что за веселье? Мы не в школе.

26 стрелков, разбитых на снайперские пары, дважды чертова дюжина! Команды строиться нет, но мы, разобравшись по парам, выстраиваемся в два ряда.

...Лейтенант, успевший выломать и очистить от коры ветку орешника, оглядывает строй, хлопает самодельным стеклом по голенищу сапога:

— Ну, пошли, девчата!

...Где-то позади бухает полковая пушка, над головой с шелестом проходит снаряд, чуть позже далеко впереди слышится лязгающий звук разрыва. Совсем близко, как кажется, стучит станковый пулемет. Штаб полка — еще не совсем передовая, но звуки войны заставляют сжаться сердце.

На поляне перед штабным блиндажом, возле которого стоит часовая с автоматом, остановка. Лейтенант и Саша Шляхова идут представляться командиру полка. Рассаживаемся в кружок, с наслаждением вытягиваем ноги. Щегольские финки — прощальный подарок наших шефов из ЦК ВЛКСМ — сдвинуты на ремне, чтобы не уколаться о ножны. Снайперские винтовки у каждой на коленях оптикой вверх: не сбить бы прицел!

Не без удивления разглядывают девушек бойцы, появляющиеся из лесу, — уж больно грозен, наверное, наш вид: в масках, вооруженные до зубов! А мы с завистливым уважением смотрим на фронтовиков, на их выдавшие виды, черные от пота или, наоборот, белые от частых стирок гимнастерки, на плащ-палатки, на гвардейские значки, краснеющие эмалью, словно боевые ордена.

...Возвращается Саша Шляхова, сияет: довольна результатами переговоров.

— Подъем, девушки! Командир полка приглашает нас к себе на ужин. А там — в батальоны, нас уже ждут.

Высокий подполковник в кителе, увешанном боевыми орденами, поднимается из-за стола. Из штаба армии сообщили о наших успехах на стрельбище, говорит командир, он рад, весьма рад, что такие меткие стрелки будут служить у него в полку. Снайперы сейчас, в обороне, особенно нужны.

Связной командира разливает густой, наваристый суп, смешливая девушка с погонами рядового ставит перед нами полные миски. Поначалу чувствуем себя несколько скованно, разговор не завязывается. Отвечая на вопросы подполковника, вскакиваем и вытягиваемся, задевая край стола.

— Да не вставайте, девчата, и без того тесно! — улыбается он. — К чаю сладкое-то найдется у тебя? — спрашивает командир полка у связного.

Похоже, он больше видит в нас девушек, а не солдат, не снайперов. Придется делом доказать свою боевую выучку! К этому мы все готовы...

Смеркается, когда выходим из блиндажа. Стрельба затих-

ла, вдали, через правильные промежутки, бухает одинокое орудие. В ожидании связных из батальонов усаживаемся на землю и затягиваем песню, которую разучили в запасном полку. Особенно лихо отчеканиваем строчки, относящиеся к нашей теперь армии:

Третья ударная, боевая славная.
Силой богатырскою немца разобьет!..

К блиндажу подходят офицеры-артиллеристы. Капитан — самый молодой из них, но, видно, старший по должности — спрашивает у часового:

— Откуда столько соловьев налетело?

— Пополнение, товарищ гвардии капитан. Снайперы.

Девушки поспешно вскочили и приветствуют офицеров, как положено по уставу. Только вовсе не похож на начальство щеголеватый гвардии капитан в фуражке с лакированным козырьком, заломленной набекрень.

— Да тут, я вижу, и чижики есть! — Капитан, улыбаясь, поглядывает на самых маленьких из нас.

Бойкая Зоя выталкивает вперед Аню Носову, лучшую нашу песенницу: в роте ее и впрямь зовут Чижиком.

— Вот кто у нас главная запевала, товарищ капитан.

— Молодец, главная запевала! — Голубые глаза артиллериста останавливаются то на одном, то на другом лице. — И куда же путь держите?

На вопрос, вытянувшись в сторонку, отвечает Шляхова:

— Половина — в первый батальон, товарищ гвардии капитан, остальные — во второй.

— И ни одной в артдивизион?! — Офицер щурит глаз и подмигивает одному из своих спутников. — Что скажете?

— Грабеж, Борис! — басит старший лейтенант. — Как всегда, богов войны затирают.

— Ну, мы еще побачимо, хто кого! — Капитан неожиданно переходит на украинскую речь. — Бувайте здоровеньки, дивчата! — И, вскинув ладонь к козырьку, он первым скрывается в блиндаже.

Клавдия Прядко, услышав родной язык, переглядывается со Шляховой. Интересно, откуда родом артиллерист? Часовой, к которому подруги обращаются с вопросом, не знает этого.

— Вот если б вы, дочки, спросили, как палят пушки капитана Шора, я бы вам сказал. Берут немца в шоры, одним словом!

Это была не единственная солдатская поговорка о прославленном пушкаре, командире артдивизиона гвардии капитане Борисе Шоре.

Совсем стемнело, когда пришли связные. Я оказалась в группе, назначенной в 1-й батальон.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Окопы 1-й роты змеятся по скату небольшой высоты. Боевое охранение — глубокая земляная щель, вырытая по форме римской цифры V, — вынесено вперед. В дальнем углу наша снайперская ячейка, она тщательно замаскирована дерном: ничто не должно выделять нас среди окружающей местности.

До рассвета мы с Зоей Бычковой добрались по ходам сообщения до своей ячейки. Отырли лопаткой земляную ступеньку: устанешь стоять — можно опуститься на колени. В соседней ячейке Вася Шкраблюк, в случае необходимости он придет на помощь. Мы на самом «передке», ближе нас перед врагом никого нет...

В оптический прицел осматриваю нейтральную полосу — от себя к противнику. В голубоватой дымке отчетливо видны самые дальние цели, кажется, до них можно дотянуться рукой, так они близко. Вижу не только каждый пенек на высоте, но и зеленые молоденькие побеги, торчащие из-под пня. На ровной полоске бруствера две черточки — это прорези бойниц.

На пристальный осмотр уходит не менее двух часов, глаза от напряжения начинают слезиться, непонятные серые точки, словно назойливые мушки, плывут перед глазами.

Моей напарнице наскучила неподвижность, она рассматривает в оптику уцелевшие строения деревни Седурино. За деревней — шоссе, по нему ползут, смазанные расстоянием, силуэты тупоносых немецких грузовиков.

— Ну что ж, Зоя, пора составлять стрелковую карточку! — говорю я.

— Чего еще? Мы не в снайперской школе.

— Зоя, это наша первая обязанность.

— Ну и составляй себе на здоровье! А я пришла охотиться за фрицами.

Выбираю ориентиры: кудрявый куст, растущий на «нейтралке», большой гранитный валун, высунувший свою лысую голову перед самыми окопами противника, дом без крыши, стог сена. Определив расстояние до ориентиров, вношу данные в стрелковую карточку снайпера. Зоя заглядывает через мое плечо.

— Ох-хо-хо! А камень-то зачем?

— Еще как нужен. Справа от него строчил пулемет. Валун закрывает пулеметчика, для нас хороший ориентир.

Зоя по-прежнему недовольна: врага надо бить, а не бумажную волокиту разводить!

Слышится негромкое покашливание. Позади нас в окопе боевого охранения солдаты, сменившие ночной дозор. Зоя сердито поворачивается к ним:

— Что это вас кашель вдруг взял?

— Интересно на вас посмотреть, девчата, — говорит самый бойкий. — Давно не видел нежного полу.

— Нежного? — вскипает моя напарница. — А вот я покажу тебе нежности такие...

— Не груби, Зоя! — шепчу я подруге, оторвавшись от винтовки. — Скажите, ребята, как у вас тут фашистам живется?

Солдаты мрачнеют. Дело не только в том, что противник построил в Седурино мощный оборонительный пояс, занял все командные высоты вокруг деревни, буквально не дает нашим поднять головы. Дело в том, что во время зимнего удачно начатого наступления гвардейцы успели уже побывать в Се-

дурино. Они перерезали тогда железнодорожное полотно, выбили врага с высоты перед деревней. Батальон понес потери, но они были невелики в сравнении с вражескими. Если б левый сосед гвардейцев так же выполнил свою задачу, развил их успех — не пришлось бы отходить, становиться в длительную оборону.

Зою не интересуют давние события, ей не терпится узнать, где чаще всего высовываются фашисты. Бойкий солдат, пристроившись с нею рядом, показывает направление. Воспользовавшись моментом, он разглядывает в оптику оборону врага. Оторвавшись от прицела, завистливо цокает языком.

— И-да, мне бы такую винтовочку! Все как на ладошке.

— Ты из своей научись попадать, — слышится голос Васи Шкраблюда, покинувшего свое укрытие.

Он предлагает нам перекусить. Мы с Зоей и не заметили, как пролетело время до обеда. Перебираемся в ротные, более просторные окопы.

Сидим на корточках в тесном солдатском кругу. Бойцы быстро очищают свои котелки, закуривают махру, пуская дым в рукава шинелей. Идет неторопливая беседа о жизни в тылу, о родных краях, о близких людях.

— Что за общее собрание? Забыли свои обязанности, гвардейцы? По местам!

Из-за солдатских спин мы не видим ротного командира, слышим только его громкий недовольный голос.

— Да вот, товарищ капитан, девчата у нас, — оправдываются бойцы. — Надо ж познакомиться...

— Не место и не время!

Перед нами молодой офицер, высокий, плечистый, со смелым взглядом зеленоватых глаз и горбинкой на крупном носу.

— Командир первой роты Сурков, — представляется он.

Мы называем себя. Капитана интересует, удобно ли оборудована снайперская ячейка, как идет «охота». Ячейка отличная, докладываем мы, а похвастать пока нечем. Мы недовольны первой половиной дня, прошедшей в бесплодном наблюдении.

— А вы хотели, чтобы он сам и голову подставил? Бей — не хочу! Так на войне не бывает, жить-то каждому охота. А себя не позволяйте демаскировать. Заметит враг скопление в окопе — может и минометный налет дать.

Уходя, ротный повторяет строже:

— Категорически запрещаю скопление в окопе! Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии капитан! — отвечаю я.

...В этот вечер все казались невеселыми. Напрасно успокаивала девушек рассудительная Клавдия Прядко. Не помогали и действующие обычно безотказно призывы Шляховой:

— А ну, чего невеселы, нос повесили? Выше носы, девочки!

Без аппетита поужинали, решили лечь пораньше. Но не тут-то было. В землянку заглянули комбат с замполитом, они, очевидно, сочли нужным навестить нас после этого первого, трудного для нас дня.

— Ну, докладывайте, снайперы, кто отличился?

Девушки молчали. Капитан Рыбин понял свою промашку: никто из нас не открыл боевого счета, и это ему прекрасно известно. Комбат повернулся к своему заместителю и быстро сказал:

— Выручай, комиссар, прожги словом! Что-то я не с того начал.

— Прости, Петр Алексеевич, действительно не с того, — подтвердил Булавин. — Это ж у них первая разведка, пробная вылазка. Вот обживутся на передовой — тогда и спрашивай, кто отличился. До меня слух дошел, не знаю, верный ли, будто петь они мастерицы. Может, споете, девчата? А мы подтянем.

Не сговариваясь, все повернули головы к Ане Носовой, нашей запевале. Откашлявшись, чуть фальшивя от стеснения, она завела:

Славен город Великие Луки,
Славен город своей сединой.
Перенес он тяжелые муки.
Раиен город, но снова живой...

Оба офицера участвовали в освобождении Великих Лук, для них это была не просто песня, но и частица их собственной биографии.

...Быть может, они спели бы и еще, а может, бравый комбат и сплясал бы, на что был большой мастак, если б дверь землянки не распахнулась. На фоне звездного неба стоял наш недавний знакомец-артиллерист.

Никто не заметил, какой знак он сделал комбату, только Рыбин вдруг заторопился, стал прощаться. Поднялся и Булавин.

— Как видите, девушки, наш рабочий день еще не кончился, — сказал замполит в дверях. — А вам спать, спать... Завтра с солнышком подниматься. Желаю удачи!

СЧЕТ ОТКРЫТ

Снова мы с Зоей встречаем утро в окопе, только сегодня он неузнаваем. Траншеи подметены, стреляные гильзы собраны в ящик. Командир роты Сурков не уставал внушать солдатам:

— Належитесь еще в грязи, когда в наступление пойдем. В обороне окоп — ваш дом.

Долгие, томительные часы вели мы наблюдение, но снова безрезультатно. К концу дня в окопах появился капитан Сурков, еще более подтянутый, чем вчера, в начищенных до блеска хромовых сапогах, с орденами на гимнастерке. Поздоровавшись, он поздравил нас: рано утром Клава Иванова открыла боевой счет. Артиллеристы капитана Шора, наблюдавшие за противником в стереотрубу, установленную на высокой сосне, подтвердили попадание.

Нам бы радоваться за подругу, а на сердце кошки скребут. Зоя чуть не плачет от огорчения.

— Ну, что, Люба? Слыхала?.. А ты мне: «Карточки, мол, рисуй!..»

Солнце близилось к закату, когда в поле зрения показался фашист. Моя напарница — была Зоина очередь стрелять, я

вела наблюдение — так разволновалась, что не успела выстрелить. Враг исчез неожиданно, как и появился.

— А что же ты не стреляла? — накинулась на меня Зоя.

— Я была наблюдателем. Твоя очередь стрелять.

— Очередь, очередь... Опять ты со своей школьной премудростью. Дура, дура я неудачливая!

От досады Зоя заплакала. По дороге в батальон она ворчала, обвиняя во всем меня. Подходя к снайперской землянке, Зоя вытерла слезы: ни к чему остальным знать наши огорчения.

Никто ничего не заметил, даже когда мы, отказавшись от ужина, сели в разных углах с кружками чая. Только Клавдия Прядко почувствовала неладное.

— Что это вы, девочки, точно опрокинутые? Опять поссорились?

Мы молчали. Прядко казалась нам чуть ли не старухой: ей уже под тридцать — на добрый десяток лет старше любой в роте. И нечего совать свой нос в чужие дела!

Из-за того ли, что Клавдия много переживает с начала войны, или просто умела найти подход к каждому человеку, только не прошло и четверти часа, как мы вполголоса, чтобы не слышали другие, рассказали ей все.

— Глупенькие! Стоит ли из-за какого-то паршивого фашиста друг на друга дуться? На врага злость копите. А ваш арийский куроцап все равно не уйдет от пули, все ему припомнится, за все, все он расплатится.

И настало то раннее утро летнее, когда я подловила на мушку первого своего гитлеровца. Косые лучи солнца освещали вражескую оборону, наша позиция была в тени. Над бруствером показалась голова в каске, я прицелилась, как положено по инструкции, под обрез цели, плавно нажала курок. На душе стало как-то не по себе: все же человек.

Только человек ли? Разве можно назвать людьми тех, кто грабил, жег и вешал, кто принес столько горя, слез и мук моей Родине, моим родным и близким? Под Ржевом убит мой любимый дядя Вася, добрый человек и хороший семья-

нин, никогда в жизни никому не причинивший зла, — быть может, моя пуля нашла убийцу? А может, я наказала одного из факельщиков, превративших древние Великие Луки в развалины, а земли Псковщины — в «мертвую зону», в пустыню? Нет, не люди это, а двуногие скоты. Собаке — собачья смерть! Этот зеленожабый больше уже никогда не выстрелит по нашим. А значит, моя справедливая пуля спасла чью-то родную жизнь, и, может быть, не одну.

К моей ячейке окопом, пригибая голову, бегут солдаты, поздравляют с удачей: наблюдатели подтвердили попадание. И артиллеристы капитана Шора, не отрывавшиеся от стереотрубы, видели результат выстрела, позвонили в штаб батальона. Командир роты Сурков специально пришел отметить мое боевое крещение. Он пожал мне руку, приговаривая:

— Молодец, снайперка, хвалю! Спасибо за службу! Как звать-то?

— Люба, товарищ гвардии капитан.

— А полностью?.. Теперь, когда вы настоящий воин, вас положено звать полным именем... Продолжайте в том же духе, Любовь Михайловна!

Зоя и радовалась за меня, и переживала, вспоминая свою недавнюю оплошность. Ведь она могла открыть счет первой. Ее уши горели, как рубины, так она разволновалась. Прильнув к винтовке, моя напарница замерла в нетерпеливом ожидании.

А я стала наблюдать за вражеской бойницей. Навела острие пенька прицела на цель и жду. Должен же враг, оборудовавший бойницу, когда-нибудь показаться? Чувствую, в затылок стало сильнее дуть. Значит, ветер усиливается. Вот и трава заметнее клонится долу.

Сделав минутный перерыв, еще раз проверила расстояние до цели. Точно: четыреста метров! Для проверки заглянула в таблицу в снайперской книжке, установила поправку в прицеле на ветер. Снова глаз у окуляра, палец на курке...

В бойнице тень. Вот он, вражеский наблюдатель! Гиглеровец, видно, уверен в своей неуязвимости. Не мешкать, ведь

цель появляется на секунду, на доли секунды! Затаив дыхание, плавно нажимаю спусковой крючок. Еще не затих гром выстрела, а голова в бойнице медленно — слишком медленно для живого — оседает... Есть, второй!

— На двух гадов меньше! — сообщаю подругам, вернувшись вечером в землянку. Стараюсь говорить как можно спокойнее, а хочется кричать во весь голос...

РОДИНА ЗОВЕТ СВОИХ ДОЧЕРЕЙ!

Детство я провела на селе. Отец умер рано, мы с мамой жили в большой дружной семье дяди Васи. Это был любимый брат отца Василий Андриянович Макаров.

Высокого роста, широкий в плечах, дядя отличался поистине медвежьей силой и удивительной добротой, нередкой в больших, сильных людях. Он был одним из первых организаторов колхозов на Урале, из бригадиров выдвинулся в председатели, затем возглавил Лядовский сельсовет. Жил скромно, сколько помню его — всегда носил выгоревший на солнце, линялый от дождей хлопчатобумажный костюм. Честный во всем, настоящий коммунист! И хороший отец, внимательный не только к своим детям, но и к племяннице.

Мне не было семнадцати, когда грянула война. О дальнейшей учебе — мечтала в геологический — пришлось забыть. Надо было работать. Устроилась на случайную для себя должность — секретарем Пермского народного суда.

С начала войны мама пошла на Мотовилиху. Родной мой Урал был в те дни грозной кузницей оружия. Мама тоже стала работать на оборону. Порою она, как и многие в то время, не уходила с завода по две и даже по три смены подряд.

В августе сорок первого призвали в армию дядю Васю. Прощаясь, он впервые заговорил со мной, как со взрослой:

— Если меня убьют, Любушка, — на войне всякое бывает, — не забывай наших, будь доброй сестрой моим детям!

На фронте дядя попал в артиллерию, писал бодрые письма: держитесь, тыловики, а боги войны не подведут!

Я и сама мечтала идти на фронт. Но кем? Медсестрой? Никогда не перевязывала раненых. Связисткой? Ничего не смыслю в связи. Поваром?.. О других воинских специальностях, которыми может овладеть девушка, я не имела понятия. Хотелось самой бить врага или находиться среди тех, кто сражается с фашистами.

Весной сорок второго года на Пермском стадионе по вечерам, после работы, собирались девушки. Занимались строем, изучали винтовку, стреляли в цель. Стала ходить на занятия и я. Мама печалилась: была бы парнем — понятное дело, но зачем винтовка девушке? Не ровен час, и на войну пошлют.

— Да кто меня, такую маленькую, возьмет на фронт? — успокаивала я маму. — Разве что в тыловую часть, скажем, писарем.

Среди девушек, с которыми я вместе занималась на стадионе, прошел слух: лучших стрелков будут отбирать в снайперскую школу. Слово «снайпер» тогда мне было неизвестно, из кинофильмов и книжек о финской кампании я знала только о «кукушках». Такой оборот дела меня обрадовал, но маме не сказала ни слова: зачем огорчать до времени? Может, ничего еще и не выйдет.

...Когда мы впервые вышли на боевое стрельбище, со мною случился непонятный казус: никак не закрывался левый глаз. Стараюсь, аж слезы текут, а он не хочет закрываться, и все! Смотрю сразу двумя глазами, пули летят куда угодно, только не в мишень. Командир заметил мои мучения.

— А ты, часом, не левша на глаза, Макарова? Хоть и редко, но бывает такое. Попробуй-ка делать не так, как все: целясь левым глазом, а правый закрой.

Попробовала. Правый глаз закрывается, левым вижу хорошо. Но надо менять изготовку, упор, словом, все начинать сначала... Долго я переучивалась, от винтовки, хотя и учебной, уставали руки, болело плечо. Девчата, видя, как я целяюсь левым глазом, смеялись: «Смотри, Люба, в чужую мишень не попади!..» Но скоро я не хуже, чем они, могла изрешетить «яблочко».

Перешли к стрельбе из боевых винтовок. Приклад трехлинейки при выстреле отдавал в плечо, но стоило слиться с винтовкой в одно целое — и отдача пропадала. После солдатской трехлинейки малокалиберную не хотелось брать в руки. Детская игрушка! Еще нравился мне пороховой дымок, нравился такой тревожный его запах...

Горе не обошло наш дом: осенью пришла похоронная. В боях за освобождение Ржева 30 августа 1942 года командир орудия В. А. Макаров получил тяжелое ранение в грудь и в голову. Не приходя в сознание, умер в армейском госпитале.

Вот когда я сказала себе: только на фронт! Мама не перечила, она одобрила мое решение.

— Бей их, доченька, проклятых! Без пощады бей!

Настала зима, учение закончилось. Многие мои подружки ушли в трудармию, иные попали в воинские части.

В середине декабря пришел вызов из ЦК ВЛКСМ. Лучших наших стрелков — Тамару Новоселову, Асю Попову, Клаву Мальцеву, Валю Дуракову и меня — военкомат направлял на учебу в Центральную женскую снайперскую школу...

В НАСТУПЛЕНИИ

Северный ветер разогнал низко нависшие тучи, то и дело проливавшиеся дождем. По ночам землю сковывала ледяная корка. Осенняя непогода надоела, мы обрадовались морозам, ударившим до времени. Значит, смогут действовать авиация и танки, значит, скоро наступать.

По утрам умываемся ледяной водой. Зоя Бычкова, разбив тонкую прозрачную корочку, кидается льдышками, норовит незаметно опустить кусочек холода за ворот подруге. Смехом, визгом, веселой суматохой начинается день.

Зимнего обмундирования еще не привезли, но это никого не пугает. Шинель Саши Шляховой всегда распахнута, пилотка едва держится на густых волосах, лицо такое румяное, что, кажется, подойди ближе — пахнет жаром, как от печки.

- Саша, опять вся раздетая? — сердится Прядко.
- А если у меня кровь горячая? — смеется Саша.
- Ты же командир, по тебе другие равняются.

Продолжая ворчать, она застегивает пуговицы Сашиной шинельки, укутывает шею подруги белым шерстяным шарфом. У Прядко и Шляховой шарфы одинаковые. Один теплый платок, разорванный по длине, пошел на них. Связанный материнскими руками, он был единственной Сашиной памяткой о доме. Остальные вещи она, как и все мы, раздала жителям разоренных, разграбленных врагом мест, мимо которых проезжал по дороге на фронт наш воинский эшелон.

Я оставила себе на память белый рушник, вышитый мамой. И если на привале, во время похода или в землянке выдавалась минута отдыха, доставала из вещмешка расшитое узорами полотенце. Прижмусь лицом к прохладной льняной ткани, словно утираюсь, целую тайком. Потом сложу, чтобы не мялось, и в мешок, на самое дно. Смешно теперь сознаваться, но рушник казался мне тогда материнским спасительным талисманом.

В начале ноября выдали ватники, теплые брюки, валенки, шапки-ушанки. Сразу все заметно пополнили, самые маленькие выглядели кубышками, столько на нас было понадето. Зато лежишь на снегу в засаде и не чувствуешь холода.

Никто не знал, сколько еще сидеть в обороне. Подходил октябрьский праздник, страна готовилась встретить его новыми победами. Чем будет рапортовать народу наш Прибалтийский фронт, славная 3-я ударная армия, родная гвардейская дивизия?

Поздней зимней ночью в дверь девичьей землянки кто-то постучал. Вошли озабоченный замполит Булавин, заменявший в тот момент раненого комбата, и комсорг батальона Геннадий Егоров, молодой лейтенант, недавно прибывший в нашу часть.

— Девушки, готовьтесь к ночному маршу! Через два часа батальон поднимается по боевой тревоге.

Вопросов к Булавиному нет, все понимают — наступление.

...В полной темноте шагаем по проселку. Дорога разбита, комья земли превратились в ледяные торосы, по ним больно ступать. Заснеженная тропка, на которую сворачивает коломна, втягиваясь в лес, кажется мягким ковром. Где-то далеко бухнула, точно спросонья, пушка, залопотал и смолк пулемет.

...Начинает светлеть, когда батальон выходит на исходный рубеж атаки. Перекур. Бойцы усаживаются отдыхать, подминая под себя пушистую крону молоденьких елочек, кто-то опускается на корточки у толстой сосны, опершись спиной о ствол. Командиры рот и взводов собираются на КП.

С опушки видно голое поле, в полукилометре его перерезает неровная лента окопов — первая линия немецкой обороны. Сейчас она безмолвствует, точно покинутая, лишь вдали взвивается в небо запоздавшая желтая ракета да на фланге стучит крупнокалиберный пулемет. За спиной у немцев — железнодорожное полотно, еще дальше — взгорок, на котором синеют силуэты редких изб и сараев. Это деревня Ведусово, превращенная противником в опорный узел.

За деревней невидимое отсюда шоссе уходит на север, в сторону Ленинграда. Выбить врага из Ведусово — значит овладеть важной транспортной магистралью. Вот почему перед деревней две оборонительные линии, а каменные фундаменты домов и сараев превращены в дзоты...

Командиры, собравшиеся у КП батальона, озабочены. Как всегда, первый батальон в голове наступления, бьет в лоб врагу. Позиции снайперов недалеко от КП, отсюда будет удобно выискивать и поражать цели. Да и командованию лучше, когда стрелки под рукой, — можно сразу поставить новую задачу в быстро меняющейся боевой обстановке.

Из глубины за нашей спиной ударили пушки, снаряды с шелестом проходят над головой. Огненные столбы разрывов встают вдоль линии немецких траншей, в воздух вздымаются комья земли, балки блиндажей. Тяжелые минометы замолчали по тылам вражеской обороны. На околице Ведусова загорелся сарай, в его пламени видны мечущиеся фигурки гитлеровцев.

Еще не стихла мощная артподготовка, как бойцы роты капитана Суркова поднялись в атаку. От окопов нашего боевого охранения до первой линии немецких траншей добрались одним духом. Левее двинулись вторая рота, третья. «Где комиссар? Комиссар где?» — пробежало по рядам. И немедленный отзыв по цепочке, от бойца к бойцу, из отделения в отделение: «Здесь комиссар, с нами!» Сутуловатую фигуру Булавина можно узнать издали. Обгоняя его, с нарастающим «ура» бегут солдаты.

В атаке каждый хотел оказаться рядом с Булавиным не только затем, чтобы в случае опасности прикрыть командира. Солдаты по-детски верили, что возле капитана они и сами останутся целы. Еще ни разу он не был серьезно ранен, только однажды шальной осколок царапнул его плечо. Булавин отшучивался: боится-де фашист тронуть комиссара, только щекочет...

Главная рота Суркова выбивает немцев из первой линии траншей. Ротный, как всегда, в цепи бойцов, одним из первых он перемахнул через бруствер, стреляя из пистолета по удирающим гитлеровцам. Гвардейцы бегут по окопу, забрасывают изгибы траншей гранатами, добивают пулеметчиков в их норах. Преодолели первые, самые трудные 200—300 метров до немецких траншей; теперь рота в относительной безопасности, в том «мертвом пространстве», где не может поразить пулеметная очередь.

Устроившись в мелком, наскоро отрытом окопчике перед КП, мы с Клавой — моей новой напарницей — ведем прицельный огонь. С позиции хорошо виден вражеский ход сообщения, ведущий в сторону деревни. Вот по нему заколыхались спины двух фашистов. Выстрел, другой... Гитлеровцы, будто споткнувшись, валятся наземь.

Под железнодорожной насыпью ожил немецкий пулемет, словно змейка со смертоносным огненным жалом. Выстрел! Еще выстрел!

— Есть! — не удержавшись, ору я, перебив пугай хребет огненной змеи; эта больше не ужалит.

Крики «ура» уходят вперед и затихают. А может, усилившийся гул боя заглушил их? Земля дрожит от разрывов снарядов — наших и чужих, дно окопчика колышется, как болотная трясина. Тяжелая мина разрывается в лесу, обломки сучьев, мерзлые комья летят на землю. Острый камушек чиркнул меня по руке. Но руки уже не мерзнут, зубы не сводит от холода и страха. Щека напарницы пылает как в огне. И Клаве жарко...

Раздирающий уши рев моторов заставил вжать голову в плечи. Эскадрилья штурмовиков, вынырнувших из-за леса, пикировала на Ведусово. Столбы черного дыма и огня встали над немецкими позициями. Нет, не зря гитлеровцы называли наши «илы» «черной смертью»! А справа, ложиной, двинулись «тридцатьчетверки». Стреляя на ходу, танки повернули к мосту над железнодорожным полотном, чтобы зайти противнику в тыл...

— Горит, горит!.. — Клава Маринкина показывала вправо.

Головная «тридцатьчетверка», выбросив в небо жаркий снап огня, горела, словно гигантская железная свеча. Башни нет, ее снесло взрывом. До сего времени танк казался мне несокрушимым, хотя в снайперской школе нас учили, как лучше выводить его из строя, стреляя по смотровым щелям, бензобакам и тракам гусениц. И вот на глазахдвигающаяся стальная крепость превратилась в пылающий факел, в гору металлического лома.

Пригорок за деревней хорошо виден, линия горизонта вдруг оживает, до странности меняется: на фоне неба четко вырисовывается черный квадрат вражеского танка, за ним другой, третий. Идут «тигры» — тупоносые, с мощной лобовой броней и крупноствольными пушками. Болванки, которыми они бьют, пробивают средний танк насквозь.

Подбита вторая машина. Изменив направление, «тридцатьчетверки» стараются зайти «тиграм» вбок, там броня слабее.

Железной стеной ползут на нас вражеские танки. За ними шеренги немецких автоматчиков, в оптику можно разглядеть офицеров — их сразу узнаешь по выправке, по взмахам руки,

когда они поторапливают отстающих. Пулю за пулей слала я в них, радуясь и торжествуя, когда очередной фашист валился на мерзлую землю. Гитлеровцы, теряя офицеров, стали отставать.

Удача! Передний «тигр» окутался вдруг черным дымом, раздался взрыв, перекрывший на миг остальные звуки боя. Значит, и «тигры» уязвимы! Немецкие пехотинцы повернули назад. А в деревню уже ворвались бойцы капитана Суркова, передохнувшие под железнодорожной насыпью. И снова разгорелся рукопашный бой, рвались гранаты, гремело «ура».

«Тридцатьчетверка» с автоматчиками на броне нырнула под мост, за ней устремились другие. Острые боя перемещалось в Ведусово. Связисты тянули провод к временному НП Булавина на краю деревни, где непонятно как уцелели три яблоньки с голыми, иссеченными осколками стволами.

По полю бежала к насыпи Саша Шляхова. Полы полушубка распахнуты, винтовка в руке. За нею, метрах в десяти, Клавдия Прядко, что-то кричит на бегу. Куда они? Приказано же не покидать позиций. Да и страшно оставлять спасительный окоп.

Я видела, как в начале боя Полина Крестьянникова, оставив в окопе свою напарницу Аню Носову, решила выдвинуться вперед. Обстрел усилился, снаряды рвались вокруг, а у Полины не было даже лопатки, чтобы окопаться, — оставила на старом месте. Голыми руками рыла Полина стылую землю. Спрятала за бугорком голову, поставила нужный прицел и открыла огонь. Вражеская пуля чиркнула по каске. Заметив, откуда бил пулеметчик, Полина выстрелила; огневая точка врага была подавлена. В бою решает минута, если она твоя!

Шляхова и Прядко оказались в самой гуще схватки. Бойцы, бегущие под прикрытием «тридцатьчетверки», приотстали, остановились. Вперед бросились девушки, увлекая за собой солдат. Танк нырнул под мост, снайперы стали оказывать первую помощь раненым, лежащим у насыпи.

Саша перевязывала очередного бойца, когда осколок разорвавшегося неподалеку снаряда ранил ее в ногу. Клавдия

наложила бинты на рану, повела подругу к лесу, где находилась санрота. Проходя мимо нашего КП, Саша перестала хромать, выпрямилась.

— Держитесь, девочки! — крикнула она. — Я скоро вернусь...

СНОВА ВПЕРЕД

...На краю деревни, где росли три яблоньки, в братской могиле хоронили мы павших гвардейцев. Был среди них и комсорг батальона лейтенант Гена Егоров из Средней Азии. Всего-то 20 весен успел он встретить на земле! Горячее слово комсомольского вожака не разошлось с делом, самое дорогое, что у него было — свою молодую жизнь, — отдал он Родине за то, чтобы никогда не погасли знамена Октября...

Весь день батальон двигался проселком. На ночевку остановились в густом лесу. Солдаты делились с девушками сухарями: отказаться нельзя, обидятся. Отламываем по кусочку от каменной черной плитки, сосем, как конфету.

Ребята, хотя и усталые все, нарубили с запасом соснового лапника, мы вповалку легли под деревьями. Жесткая солдатская постель, перед глазами картины недавнего боя, но постепенно всех смаривал сон. Лишь неподалеку от меня ворочается Прядко, никак не может уснуть, видно, тоскует по раненой подруге.

Утром на марше горькая весть: в соседнем полку во время привала убита снайпер Люда Юркова. Не одно девичье сердце сжалось. Чья очередь следующая? О своей смерти я как-то не думала, даже в самые страшные минуты боя под Ведусово успокаивала свою напарницу:

— Мы с тобой маленькие, Клавуся, в нас нипочем не попасть фашисту!

Но ведь и Люда была такая же, как мы, а смертоносный осколок нашел ее.

Снова пешмарш и привал. Разговоры, воспоминания, то и дело называют знакомые имена. Молодец Шор, поддержал

огоньком пехоту! И снайперы — воины хоть куда, ни одна не дрогнула в бою. Больше всех славят нашу старшую, Сашу Шляхову. Вот кто настоящая героиня!

В центре солдатского кружка Булавин, по рукам ходит неистощимый комиссарский кисет. Сама собой возникает песня:

Эх, махорочка, махорочка
Породнились мы с тобой...

Снайпер Петренко, перемигнувшись с украинцами, затягивает свою «Сонце низенько». И кажется, нет войны, нет проклятого врага, даже зимы нет. И рисуется картина: солнышко опускается за степные курганы, мычит сытая скотина, спеша ко дворам, парубок ждет у плетня кареокую дивчину...

— Никак рыбинские соловьи залились! — определяют бойцы соседнего батальона. Вот ведь нет с нами комбата Рыбина, а помнят его все, узнают батальонных запевал.

Степан Петренко не только песенник, свое дело он знает отлично, к нему можно обратиться с любым вопросом. Настали холода — как добиться того, чтобы не отпотевала оптика? И чем лучше в мороз смазывать затвор? На все у него ответ и примеры из личной снайперской практики. По совету Петренко в сильные холода мы лили из масленок на руки припасенную водку, растирали их так, что ладони начинали гореть. До этого девушки отдавали солдатам положенные фронтовые сто граммов.

Клавдия Прядко подарила Степану финку: не раз он с завистью поглядывал на красивые ножны. К слову сказать, **финка** эта спасла Петренко жизнь, когда два гитлеровца неожиданно обошли снайпера с тыла...

ПОТЕРЯ ЗА ПОТЕРЕЙ

Впереди и позади — враг, лишь узкий, простреливаемый **насквозь** коридор соединяет нас с соседней частью. Зима **никак** не установится, распутица, с подвозом тяжело. Триж-

ды презренные власовцы, которых немало на этом участке фронта, кричат из своих окопов: «Вы в кольце и мы в кольце — посмотрим, что будет в конце?» Полк держит круговую оборону, но нам ведь еще и наступать.

По ночам воздушные работяги У-2 сбрасывают в мешках сухари. В поле сиротливо мокнут забытые стога с почерневшими, начавшими плесневеть стручками гороха, повар варит из него надоевшую всем мутную похлебку.

У артиллеристов жесткий лимит снарядов. Лишь командир минометной роты, капитан-уралец, не скупится на огонек. Он заставляет минометчиков собирать немецкие мины и стреляет ими, меняя прицел у минометов.

Снайперская землянка рядом с КП батальона. Неподалеку в сосняке большая, рубленая из бревен баня. Булавин считал первой своей заботой после боя помыть солдат. Недаром в нашем батальоне не знали, что такое насекомые.

Наш замполит и так в карман за словом не лез, казалось, на все случаи жизни припасена у него меткая и, как правило, веселая поговорка. Что касается бани, то их был целый ворох, некоторые я запомнила. Хоть лыком шит, да мылом мыт. Баня парит, баня правит. Когда б не баня, все б мы пропали. Словом, баня — мать вторая!

— Вся эта премудрость еще в суворовские времена была известна, — объяснял майор Булавин; он получил повышение после боев за Ведусово. — Отмоешь пыль походную, копоть пороховую, напаришься всласть — и снова как стеклышко блестяшь, точно на свет народился. Великая это вещь — в бой идти отдохнувшим.

Очень жалел он, что не наломаешь зимой да осенью березовых веников. Веник в бане — всем господин.

— Зоя, ты все можешь — организуй мочалку!

Майор шутил, но именно Зоя Бычкова придумала, чем мыться. Вместо мочалки она приспособила... сапожную щетку. Драла она сильно, но хорошо отмывала грязь и пот.

— Уступи нам, Зоенька, свою скребницу! — попросил Булавин.

Командиры мылись после девушек, за ними — бойцы. Зоя на щетка переходила из рук в руки, пока не перебивал в бане весь батальон. Солдаты посмеивались:

— Хороша снайперская мочалка, одно жалко — щетины маловато!

Последним-то голая деревяшка досталась.

Дней через десять подморозило. Завезли продукты и боеприпасы, люди повеселели. А вот пополнения все не было, хотя за месяц непрерывных боев батальон поредел. Снайперам приходилось сменять бойцов, дежуривших ночью в окопах боевого охранения. Солдаты уходили на дневной отдых, девушки до темноты оставались в траншеях одни.

Как-то на рассвете Зоя Бычкова со своей напарницей Ниной Обуховской сменяли бойцов второй роты — продрогших, со слипающимися от усталости веками. Один из солдат сказал, что по нему несколько раз стреляли с левого фланга, не давая вести наблюдение. Зоя решила засесть в его ячейке, чтобы подстеречь гитлеровца. Обуховская осталась в снайперском окопчике.

Не успела Нина приступить к осмотру вражеской обороны, как услышала выстрел. Через минуту до нее донеслись быстрые шаги по окопу. Спешил тот самый солдат, который вызвался показать Зое, откуда стрелял немец.

— Снайпершу вашу ранило! — крикнул он на бегу.

Нина кинулась к подруге. Зоя мотала окровавленной ладонью, дула на нее, как это делают дети, обжегшись.

— Зоенька, что с рукой?

— Палец задело. Помоги перевязать, Нина!

Разорвав индивидуальный пакет, Обуховская перебинтовала руку. Зоя рассказала, как все произошло. Только прильнула к прицелу, как вражеская пуля, угодив в ложу винтовки, срикошетила. Судя по всему, пуля потеряла убойную силу, а то ведь можно было и пальца лишиться.

Обуховская повела подругу в санроту. Девушки успели уйти, как немцы начали кидать мины: враг заметил движение.

Мы с Клавой Маринкиной находились в расположении первой роты. Что за неожиданный обстрел? Неужто враг обнаружил наших снайперов? Покинуть окопы нельзя, нужно вести наблюдение. Может, немец готовит вылазку...

Часа через два, совершая свой обычный обход позиций, в окопе появился капитан Сурков. Ротный доложил о ранении Бычковой. А вечером в землянке Зоя, размахивая рукой с забинтованным пальцем, восхищенно расписывала лейтенанта медицинской службы Свинцова, который делал ей в тот день перевязку.

— Как перевязывает, как перевязывает! Дотрагивается до тебя, аж дух захватывает... Нет уж, ни в какой госпиталь не поеду, к одному Герману буду каждый день ходить на перевязки.

— Значит, теперь совсем и не больно? — спросила Нина.

— Еще как больно! — спохватилась Зоя и погладила бинт. — Кость задета... Пока медсестра обрабатывала рану, я криком кричала. Только и успокоилась, когда Герман перевязывал. Какой медик!

...Ранение у нее все-таки оказалось серьезное. До наступления настоящих холодов Зоя выходила со своей напарницей на «охоту» в качестве наблюдателя, но, когда ударили морозы, больной палец, застывая, ныл на открытом воздухе, как заноза. Зоя стала нашей бессменной дневальной. Одной рукой она наводила в землянке порядок: мела пол, застилала плащ-палатками нары, получала на всех обед, жарко протапливала печь — железную бочку — к нашему приходу.

Возвращаясь с перевязки из медсанбата, стоявшего в лесу, через который мы недавно совершали ночной переход в тыл врага, общительная Зоя успевала заглянуть и в солдатские землянки, и в командирский блиндаж, и в штаб батальона. К вечеру она вываливала на подруг, вернувшихся с передовой, ворох фронтовых новостей. Она-то и принесла первая весть о гибели Клавдии Прядко.

В тот день Шляхова с Прядко «списали в расход» нескольких фашистов. Разъяренный противник дал минометный

налет по их окопу. Тяжелая мина разорвалась перед самой снайперской ячейкой: Клавдию убило наповал, Сашу ранило...

На околице деревни Мотовилиха, название которой так напомнило родную мне Пермь, хоронили мы свою старшую подругу. Клавдия Прядко лежала в гробу посиневшая, половины лица не было видно из-за бинтов, искусно наложенных Свинцовым: осколок мины снес ей полчерепа. Хорошо, что раненая Саша не видит ее такую!.. Винтовочный залп в сторону врага, по крышке гроба застучали комья мерзлой земли.

После похорон я сходила в медсанбат попрощаться со Шляховой: утром ее должны были увезти в госпиталь. Что я могла ей сказать, чем утешить? И нужны ли вообще слова в такие минуты? Саша лежала на койке, глаза закрыты, губы прикушены. На меня посмотрела долгим, долгим взглядом.

— Передай, Люба, девочкам, чтобы не плакали... Чтобы мстили за... за нашу... Клавушку! — Не сразу она смогла выговорить дорогое имя.

На столе, покрытом белой клеенкой, вытянулся раненый, его только что доставили с поля боя. Невысокий, со смуглым приятным лицом лейтенант медицинской службы быстро и ловко обрабатывал рану. Заметив, что на него смотрят, лейтенант повернулся к нам, вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Смотрите, девочки, как правильно накладывать повязку. В бою пригодится.

Значит, это и есть военфельдшер Герман Свинцов! Знающий, умелый медик, симпатичный парень! Понятнее стало, почему не одна девушка вздыхает по нему. А он со всеми одинаково приветлив и ровен, прежде всего думает о своем деле. И все же, не скрою, было приятно его внимание. Когда, поцеловав Сашеньку, я выходила из палатки санбата, Герман помахал мне рукой.

Всего неделя прошла со дня гибели Прядко — и новая потеря: убита Соня Кутломаметова. Та самая Соня, которая столь умело замаскировалась на учениях, что командир не мог

обнаружить ее до тех пор, пока не наступил на «кочку», где она затаилась. Та Соня, которая совсем недавно, стоя у открытой могилы, клялась отомстить за Прядко.

До чего же не похожи друг на друга были эти напарницы — тоненькая, как былиночка, белолицая и кареглазая Соня и курчавая, сильная, суровая на вид Шура Виноградова. Шура воспитывалась в детском доме, не знала материнской ласки. Не потому ли она и к подругам обращалась по фамилии, могла в запале срезать острым, как бритва, словом. Лишь молчаливую, тихую Соню она звала по имени, уважала за меткость, дорожила ее дружбой. А Соня привыкла чувствовать себя за широкой спиной напарницы, как за каменной стеной.

Всю ночь шел крупный снег, поля и дороги застлал белый покров. На рассвете враг, упреждая нас, решил по первопутку контратаковать роту, недавно занявшую выгодную позицию. Контратака была отбита, снайперы Виноградова и Кутломаметова особо отличились, поддерживая бойцов метким огнем.

Успех вдохновил гвардейцев, они сами перешли в атаку. Продвижению мешал вражеский дзот на склоне высоты, настильный огонь пулемета прижал бойцов к земле. Снайперская пара Виноградовой и Кутломаметовой получила задание: заглушить пулемет!

Сбросив полушубки, чтобы было легче передвигаться, в белых маскахалатах, надетых поверх ватников, девушки поползли вперед. Дула винтовок заткнуты тряпицами, чтобы не набился снег, а что лицо в снегу — не беда: растает. В одной руке винтовка, в другой — граната. Снег был рыхлый, следом протянулся белый неровный коридор.

До дзота оставалось всего полсотни метров. Осторожно проделав в снегу бойницу, Соня увидела черную щель дзота и лицо вражеского пулеметчика. Тщательно прицелившись, выстрелила. Вслед за нею послала пулю Виноградова. Пулемет смолк, сзади послышалось приближающееся «ура».

Гвардейцы ворвались в окопы, завязалась короткая, оже-

сточенная схватка. Рота выполнила боевое задание, высота была наша. Бойцы не знали, как благодарить девушек, промокших от снега, но довольных, победно веселых.

Весь день гитлеровцы непрерывно обстреливали высоту, лишь к вечеру огонь стих. Поредевшая, усталая рота передавала рубеж свежей части. Маскируя смену частей, наши минометчики обстреляли врага. Фашисты ответили.

Снайперская пара могла идти отдыхать, но продрогшие девушки продолжали вести наблюдение: не перешел бы немец в контратаку. Неподалеку разорвалась мина. Шура, прижавшись к стенке окопа, не могла понять, почему ее напарница клонится лицом в снег. Упав на колени, она трясла безвольное тело подруги, звала ее по имени — Соня не откликлась: ранение было смертельное.

Шура подняла убитую на руки, понесла по окопу. Ход расширился, она прибавила шаг, хотя некуда было спешить...

И снова ружейно-автоматный салют у могилы, отрытой рядом с запорошенным снегом бугорком, где уснула последним сном Клавдия Прядко. Долго мы стояли у дорогих могил, не вытирая слез, бежавших по щекам. Спите, дорогие подруги! Мы не забудем вас, не простим врагу вашу раннюю смерть!..

МЫ СТАЛИ КОММУНИСТАМИ

Не однажды на привале, во время передышек между боями, замполит Булавин и наш комсорг Саша Шляхова, недавно ставшая членом партии, заводили со мною разговор о вступлении в партию. Разговоры эти и радовали и смущали. Ну что, что особенного я сделала, чтобы быть коммунисткой? Такою, как Булавин, как мой дядя, отдавший жизнь за Родину, за партию, как лучшие люди, которых я встречала на своем жизненном пути.

Конечно, я сражаюсь на переднем крае; ближе снайпера никого перед противником нет. И боевой счет у меня приличный, за полсотню перевалил. Но разве это все? Никаких

выдающихся подвигов не совершала, даже крови не пролила за Отчизну, как другие, как та же Шляхова. В душе я все еще чувствовала себя девчонкой, недавней школьницей.

О вступлении в партию говорили не только со мною. Как-то на отдыхе — мы находились в запасном полку — ко мне подседа напарница.

— Ну как, Люба, надумала подавать?

— А ты? — ответила я вопросом.

— Я, кажется, решила. Что мы, хуже других?

— Так ведь никто из наших девчат еще не в партии.

— А если они так же, как ты, рассуждают? «Подаст Люба заявление — и мы подадим». В одно время в снайперскую школу пришли, рядом воюем, значит, и в партию вместе.

Я молчу, а про себя удивляюсь: глянь-ка, уже и моя тихоня Клава заговорила о партии! Что же я, самая несознательная?!

Услышав наш разговор, подседа Аля Фомичева.

— Ну что: слушали-постановили?

— А что ты, Аля, решила?

— Как все, так и я! Чем мы хуже снайперов второго взвода? А они, я точно знаю, уже подали заявления.

Коммунист — слово-то какое обязывающее! Наверное, я что-то очень важное еще недопоняла до конца, если возникают сомнения. А может, дело в том, что и Аля и Клава постарше меня. Что ж, время есть, подумать можно...

— Э, нет, Люба, так не пойдет! — решительно возразила Клава. — Это что же получится? К примеру, я кандидат партии, а ты, моя напарница, беспартийная?

— По-твоему, я из-за этого хуже стрелять буду?

И тут моя подружка сказала те единственно нужные слова, которые окончательно убедили меня:

— Не хуже, Люба. Но если ты будешь коммунисткой, ты еще лучше, еще злее воевать станешь. Сама знаешь, гитлеровцам особенно ненавистны коммунисты, они всех партийных хотели бы перебить. А мы не дадимся, мы сами раньше в них пошлем пулю — вот как я понимаю свой партийный долг.

Тут же мы втроем написали заявления — одинаковые, короткие. Какая у нас биография? Средняя школа, снайперские курсы да неполный год военного университета. Правда, год, стоящий многих лет мирной жизни.

Нина Обуховская и Полина Крестьянникова, узнав о нашем решении, присоединили и свои заявления. Еще раз коллективно, вслух перечитали устав, устроили друг другу небольшой экзамен по истории партии. Вроде бы на любой вопрос можем ответить.

5 марта 1944 года запомнилось мне на всю жизнь. На лесной поляне, где в проталинах желтела прошлогодняя травка, состоялось открытое партийное собрание батальона. Кто стоял, кто сидел на пенке или на куче хвороста. Секретарь вел протокол, положив лист бумаги на раскрытый планшет.

Кроме нас, девушек-снайперов, подали заявления несколько бойцов и командиров. Те, кто постарше, подробно рассказывали свою довоенную биографию, отвечали на вопросы. Нам вопросов задали мало. Спрашивали о месте коммуниста в бою, о том, как мы понимаем свой воинский долг, что должны делать для победы. Но разве первые наши поручители, коммунисты Булавин и Рыбин, не знали каждую из девушек, не видели в бою?

Меня спросили: где я буду хранить свой партийный билет? — У сердца! — сказала я.

Как ни краток был мой ответ, он понравился собранию. Коммунисты дружно подняли руки, голосуя за прием в кандидаты партии. Между прочим, и я и другие девушки именно так хранили свои партийные билеты: пришили внутренний карман к гимнастерке, как раз напротив сердца, а для верности прихватили кармашек суровой ниткой.

Через день нас вызвали в армейский политотдел, сфотографировали для партийных документов. Кандидатские карточки вручал начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Лисицын. Пожимая нам руки, он от всей души поздравил каждого из нас со вступлением в великую партию коммунистов.

— Желаю тебе, пермячка, вернуться домой с победой! — сказал он мне.

— Спасибо, товарищ полковник! Постараюсь оправдать доверие народа и партии.

Лишь у Лиды Ветровой, самой юной из нас, были некоторые осложнения с приемом. Поступая в снайперскую школу, она, оказывается, «исправила» свой возраст в документах. Лиде было всего-навсего шестнадцать, и она боялась, что ее не примут. На партийном собрании пришлось открыться, что несовершеннолетняя: нельзя ж обманывать в такую минуту.

Коммунисты батальона единодушно поддержали ее кандидатуру, зато армейская парткомиссия и начальник политотдела Федор Яковлевич Лисицын заколебались:

— Не рано ли?

— Что значит рано? — взорвалась Лида. — Воевать с фашистами не рано, возраст не помешал! В чем я отстаю от своих подруг? — И закончила тихо: — Ведь я могу погибнуть в бою, так и не став коммунисткой...

Эти доводы, а больше того боевая характеристика Ветровой, имевшей на счету свыше полусотни уничтоженных фашистов, убедили товарищей.

Красные книжечки членов партии нам вручили месяца через три, под Пустошкой. Для фронтовиков, находящихся непосредственно на переднем крае, кандидатский стаж был сокращен. На войне другой счет времени.

Саша Шляхова, наш бессменный комсорг, стала парторгом роты. Новый комсорг появился позже, когда прибыли новички — очередной выпуск снайперской школы.

«ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, МИЛЕНЬКИЙ!..»

Используя весеннее затишье на фронте, командование решило провести всеармейский слет снайперов. Километрах в пяти-шести от передовой, в лесном овраге, состязались в меткости лучшие стрелки армии. Одним из сложнейших упражнений была стрельба на скорость по движущимся мишеням.

Отстрелялась очередная пара, пора и мне с Клавой Маринкиной на огневой рубеж. Обе немножко волнуемся, ведь за стрельбой наблюдают генералы. Среди них выделяется дородной своей фигурой и загорелым квадратным лицом герой Сталинграда генерал-полковник Еременко. Он теперь командует нашим, 2-м Прибалтийским фронтом.

Стараясь не смотреть в сторону начальства, я легла на землю, уперла поудобнее локти. Сразу волнение прошло. Только стали целиться — слышу за своей спиной недовольный бас:

— Лейтенант, почему допускаете к стрельбе не умеющих владеть боевым оружием?

Продолжаю целиться, приложив левый глаз к оптике, не могу и помыслить, что замечание относится ко мне.

Лейтенант — он был не из нашего батальона, меня знал мало — вытянулся перед командующим, не может понять причины генеральского недовольства.

— Вы что, лейтенант, не видите, как она держит винтовку? — уже на двоих осерчал командующий. — Она не знает даже, каким глазом целиться.

Только тут я поняла, что речь обо мне. Говорю лейтенанту, который подбежал, чтобы отстранить меня от стрельбы:

— Я левша. Товарищ лейтенант, объясните...

— Товарищ командующий, она левша, стреляет с левого глаза, — громко отрапортовал лейтенант, вытянувшись перед Еременко. — Это опытный снайпер.

Командующий проворчал что-то вроде: «Левша — кривая душа», но подошел ближе, видно, заинтересовался. Дождавшись, когда я отстрелялась, он зашагал к мишеням, чего не делал до этого. Генералы следовали за ним. Увидев пробоины от пуля, Еременко даже пальцами прищелкнул от удовольствия, подозвал меня. Пожав руку, сказал:

— Молодец, левша! Так стрелять!

По окончании слета девушки-снайперы, имеющие большой боевой счет, получили правительственные награды. Мне командующий вручил перед строем орден Славы II степени.

— Хотя ты и девушка, желаю стать полным кавалером! — весело пожелал он.

Награды радовали нас, но не меньше хотелось получить отпуск. Какой солдат не мечтает о побывке? И вот зачитывают фамилии тех, кто пойдет в отпуск. Первой называют снайпера Онянову, нашего Пончика, как окрестили девчата Лиду за ее полноту. У моей землячки — Лидия Онянова до войны работала электромонтером на Соликамском бумажном комбинате — самый большой в роте боевой счет: 76 убитых гитлеровцев. За ней следом иду я — 72 фашиста. Отпуска получили еще несколько девушек и трое снайперов-мужчин.

Подруги поздравляли нас, не скрывая своей зависти, просили передать привет Родине. Снайпер Маша Морозова, от огорчения забыв об уставе, подошла к командующему фронтом и, теребя обшлага генеральской шинели, повторяла, как ребенок:

— Товарищ генерал, за неделю обернусь. Товарищ генерал, миленький!..

Командующий, не найдя что ответить, аж задохнулся от изумления. Рослая, щекастая деваха, гвардии сержант, ведет себя, как дитя малое! Однако отпуск дал. На целых десять суток, включая дорогу.

Как радовалась, как прыгала и веселилась Маша! Не знала еще, что ждет ее по возвращении. Опережая события, расскажу, как все произошло.

С побывки Морозова вернулась счастливая: всех повидала, везде побывала, даже в театре. В день ее приезда предстоял пеший марш. Маша устала с дороги, а может, просто поленилась идти — упросилась в попутную машину. По дороге к передовой грузовик подорвался на забытой мине. Машу Морозову и попутчика, сидевшего с ней в кузове, убило на месте. Рядом мы их и похоронили. Я сплела венок, устроила цветы в изголовье могилы...

Надолго запомнился мне первый приезд домой с фронта. Раннее утро. Не иду — бегу пустынной в этот час улицей. Вот и наш дом. Стучу в знакомую разохшуюся дверь, а

сердце, кажется, стучит еще громче: тук, тук, тук! Дома ли мама?

Меня ждала радость: мама только вернулась с ночной смены. Слезы лились по ее лицу, не переставая, но это были слезы счастья. А когда мама вытерла их, я увидела, как сдала, будто усохла вся, моя дорогая старушка. Вроде и ростом поменьше стала. А может, это я поднялась на армейских харчах?

Первую ночь, как в раннем детстве, спали вместе в маминей постели. Вернее, не спали, шептались до рассвета. Спрашиваю ее:

— На работу надо идти или пропустишь день?

— Ой, надо, доченька, нельзя пропускать! Ваш заказ, фронту.

— Тогда поспим, мам. У меня глаза слипаются.

Отвернулась она к стенке, а я по дыханию слышу: не спит мама, только виду не показывает, чтобы меня не разбудить. И я не сплю...

В конце двухнедельного отпуска, пролетевшего, как один день, хватилась: ходила, ходила в булочную на углу, а денег ни разу не заплатила. В армии паек бесплатный, отвыкла от денег, от карточек. Бегу в магазин, спрашиваю продавщицу:

— Сколько с меня причитается? За все время.

— Не велики деньги! — говорит она. — Я сразу догадалась, что вы в армии забыли, какие такие рубли-копейки бывают. Скажи, дочка, скоро ли война кончится?

— Теперь уже скоро, — отвечаю уверенно. — Коль вперед пошли, больше нигде не остановимся. Русский человек медленно запрягает, да быстро ездит! — Я вспомнила слова нашего комиссара Булавина, которые он любил повторять во многих ситуациях.

И снова расставание на перроне, видевшем за эти годы столько разлук. Маму отпустили с работы, чтобы могла проводить меня. Вот и поезд подошел, пора.

— Не плачь, мама, не надо! Скоро насовсем вернусь, проживем с тобой на славу!

Мама не слышит ничего, слезы душат ее, не может слова вымолвить. Я сдерживаюсь из последних сил — все же гвардии старший сержант, кавалер орденов. Только когда увидела в вагонном окне удаляющуюся одинокую фигурку в темно-синем платье, в клетчатом черном с белым платке, меня так и качнуло к стенке. Крупные слезы падают на грудь, а я твержу, словно она может слышать:

— Мама! Милая мамочка! Мама!

«ОТГРЕМЕВ, ЗАКОНЧИЛИСЬ БОИ...»

В дни штурма немецкой столицы девушкам-снайперам пришлось сменить специальность. Маршал Жуков, решив ослепить врага перед ночной атакой, приказал стянуть на узкий участок фронта все имеющиеся в наличии прожекторные установки. Наши девушки очень быстро освоили свою новую профессию.

Тысячи прожекторов в назначенный час ударили по вражеской обороне. Именно ударили, так нестерпимым был в ночи блеск искусственных солнц. Пока фашисты протирали заслезившиеся глаза, пока они старались разглядеть что-либо в сгустившемся после светового удара мраке, наши тяжелые танки уже прорвали оборонительный обвод, атакующие забрасывали дзоты гранатами, поливали все перед собой автоматным и пулеметным огнем.

Штурмовая танковая бригада с автоматчиками на броне ворвалась в берлинское предместье. Из оконных проемов, из-за развалин выплескивались огненные хвосты — это эсэсовцы, последний оплот обезумевшего фюрера, фаустпатронами пытались остановить советские танки.

С отделением автоматчиков я перебегала от дома к дому. Очистив от фашистов чердак, мы с крыши били в тех, кто продолжал бессмысленное сопротивление...

Я горжусь своими боевыми орденами, они нелегко достались. Но одной из самых почетных наград считаю грамоту участника взятия Берлина.

В ночь на 3 мая стрельба стихла. Над рейхстагом развевался красный флаг победы. Воины расписывались на выщербленных осколках и пулями массивных колоннах. Где-то в уголочке, на уцелевшем чистом месте, расписалась от имени уральцев и я.

Все с нетерпением ждали официального объявления конца войны, а его все нет. Советские танкисты еще вели бои за Прагу, там был обложен крупный гитлеровский гарнизон. В Прибалтике части фронта держали в котле окруженные, прижатые к морю немецкие дивизии. Но смолкли выстрелы и там.

Вечером 8 мая экстренное сообщение по радио из Москвы: завтрашний день — 9 мая — объявляется Днем Победы. Что тут поднялось! В воздух стреляли из всех видов оружия: винтовок, автоматов, пистолетов. Трассирующие очереди зенитных пулеметов рисовали узоры в берлинском небе...

В конце июля большая группа девушек и солдаты старших возрастов, демобилизуемые в первую очередь, уезжали на родину. С легким сердцем покидала я неметчину. Все, все, что видела красивого в Германии, не променяла бы на скромный край, «где в гору поднимается дорога, изрытая дождями, где три сосны стоят...».

Весь долгий обратный путь не отрывалась от окна вагона. Какие у нас просторы, какое богатство и красота вокруг! После чужбины особенно сильно любишь свою Родину, землю отцов и дедов наших...

Вот и Урал-батюшка с его лесистыми предгорьями, с дымящими днем и ночью трубами заводов! Вот и моя красавица Кама!

Здравствуй, Пермь-матушка, принимай свою дочь!

Старенький трамвай с трудом вместил всех, кто ехал в мой район, прославленную Мотовилиху. Ничего, в тесноте, да не в обиде! Пассажиры — как до войны, даже разговоры прежние: не нравится, что толкают, — ехали б в такси!

Чем ближе к дому, тем тревожнее на душе: здорова ли мама? Встретит ли? Я и не ведала, что письма фронтовых

друзей, сообщавших о моем отъезде, обогнали воинский эшелон. Мама ждала меня уже который день...

Как мы встретились — не берусь описывать, каждый, кто вернулся с войны, без меня знает это. Мама плачет от радости, я смеюсь, успокаиваю ее и сама плачу. Зашли соседи — опять слезы: не всем война вернула родных и близких...

Получила военный билет, паспорт. Я гражданский человек, армия где-то далеко-далеко. И все же, выйдя из дома, ловлю себя на том, что неприметно для прохожих ощупываю свой костюм: все ли в порядке? После воинской формы шелковое платье кажется непривычно легким, почти воздушным. Встретив офицера, с трудом удерживаюсь, чтобы не перейти на строевой шаг, на полпути останавливаю руку, вскинувшуюся по привычке к виску для приветствия. Знаю, что и мои боевые подруги испытывали нечто подобное после демобилизации.

О том, как начала работать и трудилась много лет после войны, какие общественные и партийные поручения выполняла, как вырастила сына, можно много рассказывать. Но это уже другая жизнь. Здесь я расстанусь со своей боевой молодостью, с дорогими мной девочками.